Борис Карлов
Т. (812) 321-71-84
e-mail: bkarlov@yandex.ru
web-site: bkarlov.narod.ru

КАПИТАЛ

Комедия в четырёх действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пчёлкин Алексей Дмитриевич, инженер преуспевающей фирмы, работяга.

Пчёлкина Ольга Петровна, его жена, учительница.

Цукерман Давид Семёнович, антиквар, дальний родственник Пчёлкиной.

Роза Моисеевна, его жена (только голос).

Белугин Борис Андреевич, депутат.

Дубов, новый русский бандит.

Истомина Мила, его жена, потом вдова.

Шилов Владимир, друг детства Пчёлкина, художник, спившийся гений.

Санёк, друг детства Пчёлкина и Шилова, милиционер.

Карл Маркс, призрак.

Выпивший Поэт, выпивший Хулиган, официант(ка) в ресторане, продавщица в пивном павильоне, тени танцующих в ресторане.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КВАРТИРА ПЧЁЛКИНЫХ

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Бессмысленный и тревожный сон Алексея Пчёлкина.
В пляске разноцветных огней, на звуковом фоне играющих одновременно всех мелодий спектакля, появляются фантомы персонажей.
Их монологи звучат на фонограмме с эффектом реверберации.

Фантом Милы Истоминой *(одета в траур, восклицает, заламывая руки).* Я люблю, люблю вас! Я люблю вас за то, что вы порядочный человек; за то, что вы чуткий и ласковый! Я

люблю вас за о, что вы не похожи на тех ходячих мертвецов, которые повсюду меня окружают! Их всех! всех убьют, а вас не за что убивать, потому… потому, что вы душка! Вы — душка! Я люблю, люблю вас!..

Ф а н т о м Ц у к е р м а н а *(хитро, потирая ладошки)*. Вещица, конечно, интересная. Однако где вы найдёте на неё покупателя здесь, в этой стране?.. В наше столь эксцентрическое и непредсказуемое время? В Великобритании сложившийся рынок антиквариата и устойчивая валюта: фунт стерлингов. Там, на солидном аукционе, ваша вещица потянет на очень, очень приличную сумму. Сумму, которая при разумном её вложении сможет обеспечить вас на всю жизнь. Однако я не могу гарантировать надёжное осуществление вывоза и сохранности предмета…

Ф а н т о м Б е л у г и н а *(довольно хамски)*. Мне нравится ваша жена. Оленька обладает чертовски соблазнительной фигурой. В особенности ноги и бёдра. Всякий раз при встрече я мысленно раздеваю её догола, нисколько не стесняясь вашего присутствия. Мои притязания на физическое обладание её телом будут бесстыдны и настойчивы. Как депутат, как народный избранник, я имею на это право. Обманным путём я попытаюсь лишить её не только чести, но и состояния. Потому что я не только избранник, но и удачливый коммерсант. В интересах избирателей я всегда делаю то, что мне приятно и выгодно. Да, да, особенно — приятно…

С последней фразой Белугина всё стихает и свет гаснет.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Немного рассеянного света.

Ольга вылезает из-под одеяла, идёт к окну, раздвигает шторы.

В комнате становится светло.

А л е к с е й *(просыпаясь и закрываясь рукой от света)*. А! Что такое?..

Ольга надевает халат, присаживается на край кровати.

О л ь г а. Опять твой мост рухнул? Дал Бог в мужья инженера, трудоголика. Хотя бы в первый день отпуска можно не думать о работе?

А л е к с е й. Нет, не то, так, сумбур вместо музыки… Но этот… какой мерзавец!

О л ь г а. Кто?

А л е к с е й. Уже никто. *(Улыбается.)*

О л ь г а. Слушай, Пчёлкин, напомни, какой сегодня день?

А л е к с е й. Кажется, воскресенье. Шестнадцатое августа. *(Начинает догадываться.)* Ага…

О л ь г а. А какой год?

А л е к с е й. Десять лет? Не может быть!

О л ь г а. Не советую отпираться, это бесперспективно.

А л е к с е й. И где ты нахваталась таких выражений… Но ты права. За такой срок я не смогу предоставить суду алиби.

О л ь г а. Пчёлкин, ты, конечно, сволочь, но ты не переживай. Я всё за тебя придумала.

А л е к с е й. В смысле?..

О л ь г а. Сегодня у нас будут гости.

А л е к с е й. Гости? А что это такое?

О л ь г а. Вообрази, это люди, которые общаются с тобой не на работе.

А л е к с е й. Разве так бывает?

О л ь г а. Допустим, бывает. К нам придут несколько очень порядочных людей.

А л е к с е й. Типа…

О л ь г а. Ну, например, ты знаешь, кто теперь Борис Андреевич, наш бывший сосед по нашей бывшей даче?

А л е к с е й. Белугин? Да ведь это он… Терпеть его не могу.

О л ь г а. Ты просто ревнуешь, потому что он пытался за мной ухаживать. А я, между прочим, не давала тебе для этого ни малейшего повода.

А л е к с е й. Интересно, на какие деньги государственный служащий отгрохал себе такой дворец? Трудом праведным не построишь палат каменных!

О л ь г а. А ты не завидуй.

А л е к с е й. Ха-ха!

О л ь г а. Борис Андреевич теперь депутат и председатель какой-то там подкомиссии. Предлагал к нему запросто обращаться, если будут проблемы.

А л е к с е й. У меня нет проблем. А у него, судя по всему, скоро будут.

О л ь г а. Какой ты наивный!

А л е к с е й. Лучше быть наивным и на свободе… Прекрати, оставим эту тему. Белугин, так Белугин. Пусть смотрит…

О л ь г а. Куда?

А л е к с е й. На тебя.

О л ь г а *(пожимает плечами)*. Пусть смотрит.

А л е к с е й. Кто ещё?

О л ь г а. Кто ещё придёт? Придёт Давид Семёнович, ты его видел. Мой дальний родственник, что-то там такое по отцовской тётке. Но он любит, чтобы я его называла дядей. Старичок такой непростой, ювелир. Ты должен помнить, он мне на браслете новый замочек поставил, совсем бесплатно.

А л е к с е й. Конечно, себе старинный оставил, а тебе новый всучил. Большой души человек. Как его фамилия — Неккерман?

О л ь г а. Цукерман. Давид Семёнович.

А л е к с е й. И он твой родственник?

О л ь г а. Чего же тут удивительного?

А л е к с е й. Хм… Да в общем-то ничего. После десяти лет брака было бы даже приятно чему-нибудь удивиться.

О л ь г а. Ты сбил меня с толку… Ах, да. Я попросила его посмотреть камешки и колечки — те, что в красивой шкатулке. Вдруг там есть что-нибудь особенное?

А л е к с е й. Оля, не будь ребёнком. Ты ему ещё коробку с пуговицами покажи.

О л ь г а. При чём тут пуговицы?

А л е к с е й. Совершенно не при чём.

О л ь г а. Нет, ты издеваешься.

А л е к с е й. С таким же успехом можешь показать мне свои драгоценности…

О л ь г а. Смотри.

А л е к с е й. А я уже видел. Стекло, серебро, да позолота.

О л ь г а. Ну и катись.

А л е к с е й. Ладно, не переживай, я на тебе не из-за денег женился. Кто там ещё придёт из богатых и знаменитых?

О л ь г а. Мила Истомина.

А л е к с е й. А, эта, красивая, балерина…

О л ь г а. Балет она давно бросила. Она с мужем придёт.

А л е к с е й. Вот тебе раз, а я губу раскатал. Муж тоже какой-нибудь полезный?

О л ь г а. Это вряд ли. Он, как бы это выразиться, новый русский.

А л е к с е й. Значит — жмот.

О л ь г а. Вот этого я бы не сказала.

А л е к с е й. Бандит что ли?

О л ь г а. Почему же сразу — бандит?

А л е к с е й. Нет, не сразу. Сначала я сказал — жмот. Подавляющее большинство новых русских делится на мелочных скупердяев и бандитов.

О л ь г а. Выходит, что у женщины с запросами невелик выбор.

А л е к с е й. Нет. Ещё можно выйти замуж за честного. И потом десять лет копить деньги на квартиру.

О л ь г а. Какой ужас. *(Обнимает мужа.)*

А л е к с е й. А ты смогла бы решиться на такую жертву?

О л ь г а. Только при одном условии.

А л е к с е й. Каком?..

О л ь г а. Не скажу…

Интим, затемнение.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Ольга сидит за столом, считает деньги.

О л ь г а. …Двадцать девять пятьсот, двадцать девять шестьсот, двадцать девять семьсот, двадцать девять восемьсот, девятьсот… Есть. Пчёлкин, квартира наша. Как там её, эту нашу контору?..

А л е к с е й. «Монолит-Гарант».

О л ь г а. Завтра отнесём последний взнос. Пусть подавятся.

А л е к с е й. Схожу обменяю?..

О л ь г а. Нет, я тебе не дам, с ума сойду. Завтра, всё вместе.

А л е к с е й. Даже не верится, что сможем тратить на себя обе зарплаты. Ты не знаешь, куда люди девают такую уйму денег?

О л ь г а. Напряги воображение, Пчёлкин.

Алексей напрягает воображение.

О л ь г а. Хорошо. Во-первых, у нас даже нет приличной мебели.

А л е к с е й *(озирается)*. Разве?..

О л ь г а. Я тебя уверяю.

А л е к с е й. Допустим.

О л ь г а. Во-вторых…

Звонит телефон, Алексей снимает трубку.

Ольга сидит за столом, что-то пишет.

А л е к с е й. Ага… Сколько? А что так мало?

О л ь г а. Если Вовка Шилов — ничего не давай.

А л е к с е й *(прикрывает трубку ладонью)*. Оля, он слышал.

О л ь г а. Переживёт.

А л е к с е й. И это слышал?.. Оля, он не переживёт.

Ольга отмахивается.

А л е к с е й. Слушай, ты, художник… гений непризнанный… Приходи вечером в гости.

Ольга поднимает голову, Алексей показывает ей кулак.

А л е к с е й. Вполне серьёзно. И выпивка и закуска. Да, есть повод. Можно без цветочков. Не пил. А сегодня выпью. Проверяй, я же тебя приглашаю. К шести. У меня к тебе только одно условие: раньше — ни капли. Что?.. Твоё слово давно ничего не стоит. Нет, не так, всё равно не верю. Поклянись… Босхом. Я понимаю, что святое… Не всуе, не всуе… Всё, теперь верю. Пока.

Вешает трубку, поворачивается к Ольге.

А л е к с е й. Ни слова.

О л ь г а. Да пошёл ты… Вот, держи список. И топай по магазинам.

А л е к с е й. У нас праздник?

О л ь г а. У нас праздник.

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА

Накрыт стол, играет негромкая музыка.

Алексей ходит из стороны в сторону, смотрит на часы.

А л е к с е й. Оля! Ты где?

О л ь г а. Не мешай, я на морду красоту навожу.

А л е к с е й. Ты мне умытая больше нравишься.

О л ь г а. Не для тебя.

А л е к с е й. Для Белугина?

О л ь г а. Нет. Для Володьки Шилова.

А л е к с е й. А он этого тоже не любит.

О л ь г а. Катастрофа.

А л е к с е й. Уже без десяти. Вдруг никто не придёт?

О л ь г а. Не паникуй, слабак!

А л е к с е й. Тогда я всё равно, один начну. Оля, ты со мной пить будешь?

О л ь г а. Буду.

Звонок в дверь. Алексей убегает. Возвращается с Шиловым и Ольгой.
Шилов одет небрежно, но смотрит гордо.

Ш и л о в *(прогуливается, демонстративно не обращая внимания на накрытый стол).* Квартира приличная. Уже расплатились, судя по всему?

А л е к с е й. Завтра последний взнос… Слушай, как же я рад тебя видеть!

Ш и л о в. Особенно вид из окна хорош.

О л ь г а. На Маркизову лужу.

Ш и л о в. Так бы сидел тут всю жизнь перед мольбертом и писал…

О л ь г а. Всю жизнь? Одно и то же?

Ш и л о в. Природа… море — оно ведь подобно кокетке, меняющей свои наряды ежеминутно. Нет ещё такого художника, который смог бы отразить все её тончайшие грани даже в этом пейзаже — ограниченном оконной рамой.

Хозяева молча смотрят друг на друга, Ольга выходит.

А л е к с е й. Да ведь ты был на новоселье. Неужели не помнишь?

Ш и л о в *(отходит от окна).* Не совсем… отчётливо.

А л е к с е й. У меня есть фотографии — обхохочешься!

Ш и л о в. Не надо. Слушай, Пчела…

А л е к с е й. Ну?

Ш и л о в. Я ведь своё слово сдержал.

А л е к с е й. Ты чего, выпить хочешь?

Шилов от возмущения не находит слов.

А л е к с е й. О чём речь, сейчас сделаю!

Открывает коньяк, наливает. Шилов берёт дрожащей рукой, пьёт.

Появляется Ольга. Шилов, поперхнувшись, кашляет и отворачивается.

О л ь г а. Слушай, Шилов, единственное о чём я тебя сегодня прошу: при гостях веди себя прилично!

А л е к с е й. Оля!

Ш и л о в. При гостях?.. Я что-то не совсем понял.

А л е к с е й. Оля! Это тоже наш гость!

Ш и л о в. Извините, тут вышла какая-то ошибка. Не буду отягощать вас своим присутствием.

Шилов пытается уйти, Алексей его удерживает.

О л ь г а. Ну надо же! Из пальца высосал себе истерику. Это ещё уметь надо. *(Берёт Шилова обеими руками за воротник.)* Если ты, Шилов, будешь представлять из меня гадину, я тебе выцарапаю глаза. Сядь!

Шилов садится на диван, Алексей наливает ему и себе, залпом выпивают.

В дверь звонят, Ольга идёт в прихожую.

ПЯТАЯ СЦЕНА

В комнату заходят улыбающиеся Ольга и Цукерман.

О л ь г а. Познакомьтесь, это мой родственник… То есть, дядя, Давид Семёнович.

Цукерман приветливо пожимает мужчинам руки.

Прохаживается, поглядывая по сторонам.

Ц у к е р м а н. Неплохо устроились, очень неплохо. Планировочка, вид из окна, удобства… Мебелишко надо вам подобрать. Есть на примете берёзовая спаленка и гостиная из дуба. Потолки, конечно, немножко давят, зато за окном — простор! В хорошую погоду на Финляндию без бинокля смотрите? А?.. Всё под старину, ручная работа. Цена вполне приемлемая.

О л ь г а. Ну нет, нам ещё не до этого. Завтра выплатим последний взнос в этот… как его…

Поворачивается к мужу.

А л е к с е й. «Монолит-Гарант».

О л ь г а. Да… А после будет видно.

Ц у к е р м а н. Да ведь я вас не тороплю, боже упаси! У вас и без того повод сегодня очень достойный. Всего каких-нибудь десять лет супружеской жизни, а уже совершенно твёрдо стоите на ногах. Вот, примите в знак уважения и симпатии…

Подносит коробочку.

О л ь г а *(открывает)*. Ах, как мило! Дорогой Давид Семёнович, мне даже неловко, это царский подарок!

Ольга целует Цукермана в щёку. Пчёлкин и Шилов заглядывают через плечо Ольги, снова садятся на диван, переглядываются и кривят физиономии. Опрокидывают по рюмке.

Ц у к е р м а н. Не стоит, не стоит, дорогая. Это не золото и не брильянты.

Ольга становится перед зеркалом, подносит брошку к плечу.

О л ь г а. Но серебро мне так к лицу!

Ц у к е р м а н. А вы хотели мне что-то показать.

О л ь г а. Да-да! Очень хорошо, что вы сами напомнили.

Достаёт из ящика комода шкатулку, ставит на комод и раскрывает.

Пауза.

Становится тихо, свет гаснет, на Цукермана сверкает молния, гремит гром.

Пауза.

Снова всё по-прежнему, никто, кроме Цукермана, ничего не заметил.

О л ь г а. Вот, взгляните. Тут ничего ценного, я знаю. Но, может быть, найдётся что-то интересное для специалиста, коллекционера… Давид Семёнович! *(Щёлкает пальцами у него перед глазами.)*

Ц у к е р м а н *(вздрагивает, вставляет в глаз диоптрию, склоняется над шкатулкой)*. Да-да, конечно… *(Рассеянно перебирает в руках колечки, брошки и браслеты.)* Да-да…

Звонят в дверь.

Ц у к е р м а н *(встревожено)*. Уберите, Оленька, уберите, чтобы ничего не потерялось. Тут есть пара-тройка интересных предметов. Приносите, нам с вами есть о чём поговорить…

Ольга убирает шкатулку в ящик комода, бежит открывать. Пчёлкин что-то рассказывает Шилову, но тот смотрит в одну точку — на то место, где стояла шкатулка.

ШЕСТАЯ СЦЕНА

Входят Мила Истомина и её муж. Дубов молча пожимает руки мужчинам. Мужчины расходятся, дамы остаются в комнате вдвоём.

О л ь г а. Сколько же мы не виделись?

М и л а. С тех пор, как я вышла замуж.

О л ь г а. Ты сильно похорошела за эти годы.

Присаживаются на диван. Ольга держит Милу за обе руки.

М и л а. Не благодаря — но вопреки! Диета, массаж, тренажёры, косметологи… Это совсем как в балете: непрерывная, изнурительная работа над собой. Что это такое? *(Укоризненно берёт Ольгу за прядь волос.)* Что это?.. Дорогая, ты себя не любишь! А если ты сама себя не любишь — то кто тебя полюбит?

О л ь г а. Ой, Мила… Вот то, что ты всё это сказала, — я бы, наверное, не смогла. Бывает, навалится столько работы, что, честное слово, не до тренажёров.

М и л а. Ты думаешь — мне легко? Одиннадцатичасовой сон — это как минимум, ни минуты меньше! Джакузи, маникюр, педикюр, причёска, макияж, вождение, светские рауты — ты думаешь, это утомляет меньше твоей дурацкой работы?.. Я тебя умоляю. *(Вставляет сигарету в длинный мундштук, прикуривает.)* Начни хотя бы с бассейна. По утрам бывает так приятно сбросить с себя сонную одурь.

О л ь г а. Ты знаешь, с сонной одурью у меня как-то… не всегда получается. Нет, нет, я не смогу.

М и л а. А куда смотрит твой муж? Он ведь, кажется, неплохо зарабатывает. Неужели он такой эгоист и тиран?

О л ь г а. Совсем не то. Я могу теперь вообще не работать. У нас уже есть сумма для того, чтобы полностью расплатиться за кредит.

М и л а. Бедняжка, чего же тебе это стоило…

О л ь г а. Утром — школа, вечером — репетиторство, ночью — тетрадки.

М и л а. Но теперь-то, наконец, всё это позади?

О л ь г а. А теперь вот дядя, ну, то есть, Давид Семёнович, советует купить новую мебель.

М и л а. И не думай! Пускай Пчёлкин зарабатывает тебе на мебель и на всё остальное. Никакая мебель не стоит красоты женщины. Как бы тебе не остаться с мебелью и ещё какой-нибудь канарейкой. Размазня-женщина ничем не лучше, чем размазня-

мужчина. А он, между прочим, у тебя заметно похорошел. Созрел что ли?..

О л ь г а. На чужой каравай рот не разевай. И твой созреет.

М и л а. В этом я сильно сомневаюсь…

О л ь г а. Прости, я не расслышала?..

М и л а. Так, ничего, просто у него очень опасная работа.

О л ь г а. А какая…

М и л а *(перебивает)*. Какая у него зарплата? Дорогуша, этого даже я не знаю.

О л ь г а. А как тебе вообще… твой муж? Отвечает он твоим мужским идеалам?

Мила вздыхает, распечатывает и суёт в рот жевательную резинку, снова вздыхает.

М и л а. Дорогуша, я скажу тебе откровенно. Мой муж далёк от каких бы то ни было вообще идеалов. *(Приближается к собеседнице.)* Он вообще что-то вроде неодушевлённого предмета. Однако *(говорит в прежнем тоне)*, я сознательно иду на эту жертву. Брильянт должен находиться в дорогой оправе. И ради этого мы иной раз вынуждены терпеть и некоторые неудобства — как в моральном плане, так — увы — и в физическом…

О л ь г а *(подносит руку к груди)*. О господи!

М и л а. Однако при всём этом, скажу тебе строго конфиденциально *(приближается к собеседнице)* — за два неполных года этих самых… неудобств — я уже **вполне** сумела обеспечить себя на будущее. *(С расстановкой.)* И могу расстаться с мужем без сожалений.

О л ь г а. Ты думаешь о разводе?

М и л а *(горестно усмехаясь)*. По-итальянски.

О л ь г а. А это как?

М и л а. Это когда муж убивает свою жену.

О л ь г а. О господи!..

М и л а. Развода он мне не даст. Если только поможет случай…

О л ь г а. А какой…

Звонят в дверь, Ольга уходит открывать. Мужчины стекаются в комнату.

СЕДЬМАЯ СЦЕНА

Ольга заходит с Белугиным. У неё в руках букет цветов и огромная коробка конфет.

О л ь г а. Ещё одну минуту! *(Убегает.)*

Цукерман подходит к Белугину, протягивает визитку.

Ц у к е р м а н. Позвольте представиться. Цукерман, Давид Семёнович. Ювелирные изделия, антиквариат. Если интересуетесь.

Б е л у г и н. Знакомство безусловно приятное. Но опасное. Боюсь, что эта карточка не будет обойдена вниманием моей супруги.

Смеются. Ольга приносит и ставит на стол блюдо.

О л ь г а. Прошу всех за стол!

Все рассаживаются. Раскладывают еду, разливают напитки.

А л е к с е й *(Белугину)*. А где же ваша супруга?

Б е л у г и н *(объясняет всем сразу)*. А ей, видите ли, пришла фантазия отправиться в круиз — по Средиземноморью. Да, знаете ли, такая вот неугомонная натура.

А л е к с е й *(мрачно)*. Не боитесь одну-то отпускать?

Б е л у г и н. Боюсь. Только тут уже ничего не поделаешь. Женщину насильно не удержишь. *(Подмигивает.)*

А л е к с е й. И любить насильно не заставишь. *(Выпивает один.)*

Белугин смотрит на него удивлённо, наливает ему ещё.

Б е л у г и н. Это когда же вы научились… *(щёлкает пальцем по подбородку)* так лихо? Я ведь вас как непьющего знал.

А л е к с е й. Не волнуйтесь, Белугин, я в порядке.

О л ь г а. Алексей!

М и л а. Какой вы смешной, совсем не умеете пить.

Ц у к е р м а н. Ничего, он ещё молодой человек. Он ещё всему научится.

Б е л у г и н. За очаровательных дам!

А л е к с е й. Да! Выпьем!

Все чокаются, пьют. До конца сцены все говорят одновременно.

Ц у к е р м а н *(Ольге)*. Какой у вас вкусный салат — вот этот, из крабов. Вы сами готовили? Рецепт, напишите рецепт!..

О л ь г а. Я ничего не готовила, всё покупное, из кулинарии. Нет-нет, мне хватит, зачем вы подливаете?..

М и л а *(Алексею).* Инструктор мне кричит: «Налево! Налево!», а я вдруг забываю, где лево и где право и хочу надавить на тормоз, но вместо этого давлю на педаль газа…

Б е л у г и н *(Дубову).* Обо всём можно договориться. Пришла новая инструкция о взимании арендной платы с нежилых фондов. Все эти суммы составляют заметную строку в городском бюджете. В центре города больше никаких льгот, никаких!.. Но кое-что, да, кое-что можно придумать, всё в наших силах и в ваших возможностях…

А л е к с е й *(Шилову).* Художник ты или не художник? Если ты художник — удиви! Удиви меня, его… — весь мир! Если ты художник, создай мне такой шедевр, чтобы мир вздрогнул, чтобы мир — передёрнуло!..

Голоса, музыка, звон посуды — плавно затихают, одновременно гаснет свет.

ВОСЬМАЯ СЦЕНА

Утро следующего дня. Ольга встаёт, набрасывает халат, плетётся к окну, раздвигает шторы. Кровать заливает свет, но Алексей не реагирует. Ольга включает радио — объявления, реклама в конце часа. Делает тише, садится на кровать.

О л ь г а *(трясёт супруга за плечо).* Пчёлкин… Вставай… Уже понедельник…

А л е к с е й *(невнятно).* У меня отпуск.

О л ь г а. Что за лепет.

А л е к с е й *(громче).* У меня отпуск.

О л ь г а. Пчёлкин: вставай, нам надо обменять деньги и платить за квартиру.

А л е к с е й. Сколько?

О л ь г а. Четыре тысячи долларов.

А л е к с е й. Почему так много?

О л ь г а. Квартира у нас хорошая. С видом на море.

А л е к с е й. Это не море, это залив.

О л ь г а. Это лужа.

А л е к с е й. Пиво есть?

О л ь г а. А тебе пива хочется?

А л е к с е й. Да.

О л ь г а. А водки?

А л е к с е й. Нет, не надо.

О л ь г а. А пиво — та же водка. Только много и с пузырьками.

А л е к с е й. Хочу с пузырьками.

Ольга открывает бутылку минеральной.
Наливает себе в стакан, бутылку отдаёт мужу.

О л ь г а. Выпей минералочки.

Алексей жадно пьёт из горлышка.

А л е к с е й. А вообще как… Всё в порядке?

О л ь г а. Нет, не всё в порядке.

Пауза.

О л ь г а. Ты дебош устроил. Ты хотел Белугину морду набить.

А л е к с е й. Чепуха, этого не было, тебе приснилось.

О л ь г а. Нет было. Я помню, что мне снилось. Было, когда ты уже напился по-настоящему.

А л е к с е й. За что?

О л ь г а. Естественно ни за что. Потому что я с ним танцевала.

А л е к с е й. За это стоило. Ну и как, набил?

О л ь г а. Ещё чего.

А л е к с е й. Растащили?

О л ь г а. Он тебе сам руки скрутил.

Пауза.

А л е к с е й. Здоровый… А Володька куда смотрел?

О л ь г а. А Володька уже никуда не смотрел. Она как голову опустил, так и просидел до конца. А локоть в тарелке с салатом.

А л е к с е й. Вот свинья…

Пауза. Сигналы точного времени, голос диктора.

Г о л о с д и к т о р а. Московское время одиннадцать часов. Передаём последние известия. Главной новостью этого часа стал внезапный обвал рубля на валютном рынке. За первый час торгов курс американского доллара поднялся с шести рублей семидесяти копеек до тринадцати рублей сорока пяти копеек. По мнению экспертов падение рубля продолжится.

О л ь г а. Ты слышал?..

А л е к с е й *(садится на кровати, трёт лицо)*. Ну-ка, ну-ка, ещё раз…

О л ь г а. Рубль падает. Уже больше тринадцати…

Хватает калькулятор, считает.

О л ь г а *(страшным голосом)*. Пчёлкин. У нас больше нет четырёх тысяч долларов.

А л е к с е й. А… сколько?

О л ь г а. У нас и двух не набирается.

Пауза. Звонит телефон, Ольга хватает трубку.

О л ь г а. Да. Да. Мы помним, мы как раз хотели сегодня… Да. Нет. Половину можем. Что? А если по курсу Центробанка? Нет? Да, понятно, только доллары… Да, договор подписывали. Да, понимаем. То есть как… Как отберёте… А нас куда — на улицу? Наши проблемы?.. Но мы не отказываемся платить, только нужно… Сколько? Три дня?.. Мы не успеем за три дня! Погодите, погодите… Эй!..

Ольга опускает трубку.

А л е к с е й. Это… кто… звонил?

О л ь г а. Этот… гарант.

А л е к с е й. «Монолит-Гарант»?

О л ь г а. Он.

А л е к с е й. И что?..

О л ь г а. Деньги требует.

Пауза.

А л е к с е й. А у нас что-то не сходится.

О л ь г а. Не сходится… Хорошая у нас была квартира.

А л е к с е й. Почему… была?

О л ь г а. Согласно договору.

А л е к с е й. Погоди, погоди, надо подумать.

О л ь г а. Ну ты думай. А я пошла.

А л е к с е й. Куда?

О л ь г а. Не бойся, пока ещё не на панель. К дяде. Он сказал, что там есть пара-тройка интересных вещей.

А л е к с е й. Нет! Это он несерьёзно.

О л ь г а. В долг буду просить.

А л е к с е й. Не даст.

Пауза.

О л ь г а. Слушай, Пчёлкин, а может, зря это всё?

А л е к с е й. Что?

О л ь г а. Ну, капитализм. Тогда, в детстве, так хорошо было…

А л е к с е й. Лимонад был вкуснее…

О л ь г а. Что?

А л е к с е й. Лимонад. Помнишь, был такой — «Буратино»…

О л ь г а. Не помню. Родители рассказывали, что ни свою квартиру совсем даром получили.

А л е к с е й. Так уж и даром. Всю жизнь горбатились за копейку. Читай политэкономию.

О л ь г а. Карла Маркса?

А л е к с е й. Да хоть бы и Карла Маркса.

Ольга в задумчивости берёт со стола бутылку, наливает в стакан, выпивает.

О л ь г а *(смотрит на бутылку)*. Что это?

А л е к с е й. Где?

О л ь г а. Что это я сейчас выпила?

А л е к с е й. Это?.. Это, наверное, со вчера осталось.

О л ь г а. Господи боже мой!..

А л е к с е й. Ничего, это сухое вино.

О л ь г а. Наверное, умный человек был. За справедливость.

А л е к с е й. Кто?

О л ь г а. Этот, Карл Маркс.

А л е к с е й. О-о… Тебе хватит.

Ольга встаёт. Постепенно, с началом её реплик, свет гаснет,
а сама она высвечивается красным.

О л ь г а. Мир хижинам, война дворцам! Грабь награбленное!! Да здравствует — социальная — справедливость!!!

«Марсельезой» вступает фонограмма «All You Need Is Love» БИТЛЗ.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Антикварная лавка Цукермана.
Хозяин за прилавком, стирает пыль с выставленных на полках предметов.
Отступив на шаг, с уважением взирает на бронзовый бюст Карла Маркса,
затем аккуратно протирает ему все неровности.
За стойкой служебное помещение, невидимое из зала.
Оттуда доносится супруги Давида Семёновича — Розы Моисеевны.

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, откуда ты приволок в лавку это чучело?

Ц у к е р м а н. Роза, это не чучело, это чистейшей бронзы основоположник. Я нашёл его в скупке цветного металла; он лежал гордый, словно сфинкс, на куче обломков.

Р о з а М о и с е е в н а *(вздыхает)*. Основоположник… Это, Додик, ты правильно его обозвал. Наложил он всем довольно-таки прилично. Это правда, что он был еврей?

Ц у к е р м а н. Это правда.

Р о з а М о и с е е в н а. Не говори никому.

Цукерман заканчивает наводить чистоту, облокачивается о стойку, смотрит на телефон, нервно постукивает по нему пальцами.

Р о з а М о и с е е в н а. Тебе налить кофэ с сахаром или со сливками?

Ц у к е р м а н. Я совсем ничего не хочу, Розочка.

Р о з а М о и с е е в н а. Тебя до такой степени волнует этот Бенвенуто?

Ц у к е р м а н. Розочка, меня это не волнует, меня это буквально трясёт. Ведь она, в конце концов, может занять у кого-нибудь денег или пойти совсем в другую лавку…

Р о з а М о и с е е в н а. Не говори глупостей. После того, что стряслось сегодня на бирже, родной сын не даст родному отцу на лекарства. Поверь, все буквально вцепились в свои доллары и оцепенели.

Ц у к е р м а н. Но ведь она может пересыпать свою бижутерию в полиэтиленовый пакет и прийти ко мне с полиэтиленовым пакетом. Роза! мне совсем не нужен полиэтиленовый пакет!..

Р о з а М о и с е е в н а. Прекрати истерику, будь мужчиной.

Из-за растворённой в подсобку двери появляется её рука с чашкой.

Р о з а М о и с е е в н а. Я положила тебе три ложечки, сахар успокаивает нервы.

Цукерман берёт чашку, пьёт.

Р о з а М о и с е е в н а. Скажи мне лучше, что ты будешь делать, когда она придёт обратно и нахально потребует назад свою вещь?

Поперхнувшись, Цукерман кашляет.

Ц у к е р м а н. Роза! зачем ты говоришь мне такое!

Р о з а М о и с е е в н а. Затем, что иной раз тайное становится явным ещё здесь, при жизни! Если ты вовремя е опомнишься и не возьмёшь себя в руки, этот Бенвенуто отольётся тебе кровавыми слезами.

Ц у к е р м а н. Но я никого не хочу обманывать! Разве я виноват, что у меня нет таких денег! Этот предмет стоит по каталогу сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов!

Р о з а М о и с е е в н а. Так не разевай пасть на то, что всё равно не пролезет!

Ц у к е р м а н. Но она хочет всего каких-нибудь две-три тысячи.

Р о з а М о и с е е в н а. Почему?

Ц у к е р м а н. Я звонил её кредиторам.

Р о з а М о и с е е в н а. Шпион!

Ц у к е р м а н. В конце концов, если она вернётся назад за шкатулкой, она её получит.

Р о з а М о и с е е в н а. И что ты собираешься ей всучить?

Цукерман достаёт из-за прилавка и протягивает за дверь шкатулку,
точно такую же, как у Ольги Пчёлкиной.

Пауза.

Р о з а М о и с е е в н а. Да, это очень может быть. Это копия?

Ц у к е р м а н. Нет, не копия. Просто похоже. Почисти, поработай с ней.

Р о з а М о и с е е в н а. Это очень, очень может быть. Но как сумеешь продать оригинал, висельник? Ты же сам не попрёшься с ней в Англию на аукцион?

Ц у к е р м а н. Нет, для такого дела нужно хорошо знать всю эту кухню. И непременно, непременно действовать через подставное лицо.

Р о з а М о и с е е в н а. А это подставное лицо, как я всё-таки надеюсь, облапошит тебя или, в случае малейшей опасности, сдаст со всеми потрохами.

Звонит телефон, Цукерман кидается к трубке.
Но сдерживается и, отвернувшись, мучительно выдерживает два звонка.

Ц у к е р м а н *(беспечно).* Алло. Да, конечно, Оленька, я рад вас слышать. Нет, нет, что вы, почти не отвлекаете. Какое дело! Я не хочу встречаться с вами по делу! Ну хорошо, хорошо, если обещал, значит жду.

Цукерман вешает трубку, вытирает лоб платком.

Р о з а М о и с е е в н а. Хищный зверь.

Ц у к е р м а н *(в сильном волнении).* Роза, она сейчас приедет…

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, держи себя в руках.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Звенит дверной колокольчик, Ольга с испуганным видом заходит в лавку.

Ц у к е р м а н *(выходит навстречу из-за прилавка).* Оленька! Вы хорошеете буквально с каждым часом!

Целует Ольге руку, та смущённо отдёргивает.

О л ь г а *(потупившись).* Давид Семёнович, вы помните наш вчерашний разговор?

Ц у к е р м а н. Разумеется, Оленька, конечно. Так нельзя ставить Шекспира. Я не ретроград, вы знаете, но это уже чересчур…

О л ь г а. Нет!

Ц у к е р м а н. А! Понимаю! О вашем умопомрачительном салате из крабов. Вы обещали, обещали написать рецепт!

О л ь г а. Нет же! Салат из магазина… не в этом дело.

Ц у к е р м а н. Из магазина!.. Не верю, вы меня разыгрываете. А из ваших рук всё равно вкуснее!

Р о з а М о и с е е в н а. Зверь, хищный зверь!

На всём протяжении пьесы голос Розы Моисеевны
слышат только зрители, её супруг и призрак Карла Маркса.

О л ь г а *(достаёт из сумочки шкатулку, протягивает).* Вот… Я хочу продать. То, что вам понравится, или всё сразу. Мне срочно, очень срочно нужны деньги.

Ц у к е р м а н. Оленька, дорогая, кому они не нужны срочно? *(Берёт шкатулку.)* Покажите мне человека, которому они нужны так, вообще, когда-нибудь… Философ Диоген жил в бочке и он утверждал, что деньги ему **совсем** не нужны. И знаете, я в это верю. Потому что Диогена придумали весёлые, умные, а, самое главное, очень

зажиточные люди — иначе и быть не может! А вот этот товарищ *(указывает на бюст Маркса)* был реалистом, и он отлично понимал, что миром правят деньги и одни только деньги. Вы знаете, как называется его главная книга? Она называется «Капитал». И я думаю, что многое, очень многое в ней написано правильно, хотя, по правде говоря, я не имел удовольствия её читать.

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, перестань нести ахинею. Девочка пришла к тебе не за этим. Отдай ей деньги, и пусть она отнесёт их в свою жульническую контору.

Ц у к е р м а н. Хотите поменяемся? Я вам — отлитого из чистой бронзы основоположника, а вы мне — ваши сокровища. Ну, что же вы надулись, я пошутил.

Встаёт за стойку, вставляет в глаз диоптрию,
перебирает содержимое шкатулки.
Ольга смотрит на него с надеждой, теребя в руках платочек.

Ц у к е р м а н *(небрежно).* Сколько вы хотите?

О л ь г а. Я не знаю, сколько это стоит… Мне нужно две тысячи долларов, чтобы рассчитаться за квартиру *(говорит всё тише и неуверенней),* но если здесь не хватает, то, может быть, вы сможете дать мне в долг на крайне ограниченный срок…

Ц у к е р м а н *(снимает диоптрию, смотрит на Ольгу).* Оленька, дорогая, мне очень неприятно отказывать вам в таком сущем пустяке, но все мои личные сбережения вложены вот во всё это… *(Обводит рукой экспонаты.)* А ваши сокровища не стоят, к сожалению, и тысячи. Вот это стоит четыреста и вот это — около пятисот. Это их продажная цена. Столько они будут стоить у меня в витрине и я не буду иметь с этого ни копейки. Это всё, что я могу для вас сделать.

О л ь г а *(почти плачет).* А остальное?

Ц у к е р м а н. Остальное — бижутерия, она совсем ничего не стоит.

О л ь г а *(начинает плакать).* Так что же мне делать?..

Ц у к е р м а н. Ольга Петровна, вы разбиваете моё сердце. Так и быть, я дам вам за всё полную тысячу.

Отсчитывает под лампой деньги.

Ольга взволнованно лепечет благодарность, берёт деньги и выбегает. Возвращается, встаёт на цыпочки и через прилавок целует Цукермана в щёку. Снова выбегает.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Цукерман и голос Розы Моисеевны.

Р о з а М о и с е е в н а. Девочка готова наложить на себя руки. Почему ты не дал ей две тысячи, убийца?

Ц у к е р м а н. За что, Розочка? Я и без того переплатил.

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, ты дурак. Если бы ты дал ей две, она бы рассчиталась с долгами и всё забыла. А теперь она придёт снова — и не одна, а с милиционером. *(Жуёт.)* Тебе дать овсяного печенья?

Ц у к е р м а н. Розочка, зачем ты меня нервируешь! Ты ведь знаешь, что у меня больная селезёнка. Я не мог дать больше. Если бы я дал больше, по городу прошёл бы слух, что я сумасшедший, и кто-нибудь в конце концов догадался бы, что дело не в родственных чувствах. В любом случае она не сможет ничего доказать.

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, ты дурак дважды и ты не в Швейцарии. Здесь, в это время, никто и ничего не доказывает. Придут двое и засунут тебе кипятильник… в эту самую… Выпей воды, что с тобой… Ты хотя бы спросил, откуда у неё эта вещь?

Ц у к е р м а н. Я не мог спросить, это выдало бы мой интерес. После второй мировой у людей ещё до сих пор много чего валяется в комодах, о ценности чего они не имеют ни малейшего понятия.

Р о з а М о и с е е в н а. Как бы с тобой не разобрались — по понятиям. Уж лучше пускай она вернётся с милиционером.

Ц у к е р м а н. Она не вернётся. Она не вернётся даже в том случае, если точно будет знать, что её надули. Такие люди не возвращаются в магазин даже если купленные ими туфли оказались меньше на два размера. Бедные, бедные люди…

Р о з а М о и с е е в н а. Эти бедные имеют хорошую перспективу на то, что будет после. А тебя — припекут черти!

Ц у к е р м а н. Роза! Ещё одно слово — и пропади оно всё пропадом! Я верну ей эту шкатулку…

Звенит дверной колокольчик.

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА

В лавку заходит Белугин.

Б е л у г и н. Не ждали?

Ц у к е р м а н *(обернувшись к жене).* Роза, этот государственный человек прибежал, чтобы всучить мне свои рубли, которыми уже завтра можно будет оклеивать сортиры. *(Приветливо разводит руки.)*

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, если бы ты обманул **этого** человека, тебе бы простили. Но этот человек сам облапошит тебя как ребёнка.

Ц у к е р м а н. Борис Андреевич!..

Б е л у г и н. Да вот… Решил воспользоваться вашим любезным приглашением.

Белугина прохаживается, смотрит.

Останавливается перед бюстом Карла Маркса.

Ц у к е р м а н. Хорош?

Б е л у г и н. Хорош.

Ц у к е р м а н. Пуд чистой бронзы. Для вас, как для государственного человека, — фигура со смыслом.

Б е л у г и н. Не понимаю?

Ц у к е р м а н. Заходит к вам в кабинет, допустим посетитель или даже большой начальник. Знаете, как это в казённых учреждениях, атмосфера натянутая… А тут сразу перед глазами — предмет для улыбки, для доброй шутки, так сказать… В вас видят неординарного человека, человека с фантазией. Атмосфера другая, контакт налаживается…

Б е л у г и н *(смеётся).* Ах, Давид Семёнович, как это у вас получается!.. Вы, кажется, любой товар можете представить с совершенно неожиданной стороны! Я подумаю.

Ц у к е р м а н. Может быть, интересуетесь чем-либо конкретным?

Б е л у г и н. С вашего позволения, ещё осмотрюсь.

Ц у к е р м а н. О!..

Б е л у г и н *(осматривает полки).* У.е., у.е., у.е… А в рубликах что-нибудь имеется?

Ц у к е р м а н. Основоположника отдам за рубли.

Б е л у г и н. Не возьму, всё-таки не возьму, плохая примета. Если только тогда, когда дела пойдут совсем плохо. Минус на минус… А пока — нет, не возьму, разорит. Полмира разорил, а уж меня с моими скромными бизнесами… *(Машет рукой.)* Вы вот что, любезный Борис Семёнович, подберите мне сами, на свой вкус, булавку для галстука. Без излишеств, но чтобы можно было за одним столом и с сэром, и с пэром…

Цукерман наклоняет голову, понимающе улыбается.

Ц у к е р м а н. Есть такая. Берёг. Знал, что придёт такой, который понимает.

Достаёт из-под прилавка и открывает коробочку.

Б е л у г и н *(берёт булавку, разглядывает)*. Да… Да…

Ц у к е р м а н. Да?

Б е л у г и н. Да…

Ц у к е р м а н. Исключительно для вас — четыреста.

Б е л у г и н. Четыреста… четыреста… Итальянские лиры, финские марки, аргентинские крузейро?.. Шучу. Хорошо, беру, торговаться не буду.

Достаёт бумажник, расплачивается.

Ц у к е р м а н. Позвольте в фирменную упаковочку… Присаживайтесь… Рюмочку вина?

Б е л у г и н *(усаживается в кресло)*. Мерси, но только чуть-чуть, пригубить. Дела, знаете ли… Виза, паспорт, авиабилеты…

Чокаются крошечными ликёрными рюмочками.

Ц у к е р м а н. Да-да-да-да-да, вспоминаю. Ведь вы на днях улетаете…

Белугин выпивает, но, ничего не почувствовав, удивлённо заглядывает в рюмочку.

Б е л у г и н. В Лондон.

Ц у к е р м а н. В Лондон…

Б е л у г и н. Да… вот так, знаете ли…

Ц у к е р м а н *(что-то задумав)*. И вы туда летите…

Б е л у г и н. По делам, по делам. Отдых ещё не заработал.

Белугин делает движение, чтобы встать,
но Цукерман, чтобы удержать его, наливает ещё вина.
Белугин выпивает и снова удивлённо заглядывает в рюмку.

Б е л у г и н. А вы тоже имеете какой-нибудь интерес в Лондоне?

Ц у к е р м а н *(прохаживается в волнении)*. Возможно, возможно…

Белугин некоторое время смотрит на него, прищурившись.

Б е л у г и н. Послушайте, мы деловые люди. Если ваш интерес в Лондоне может иметь взаимную выгоду… почему бы нам не помочь друг другу?

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, подойди сюда!

Ц у к е р м а н. Одну минуту.

Заходит за дверь. Из подсобки доносятся раздражённые голоса супругов. Белугин этого не слышит и наливает себе ещё вина. Выпивает и сосредоточенно, подняв подбородок, причмокивает, пытаясь всё-таки разобрать вкус. С возгласом «Я ему ещё ничего не обещал!» появляется Цукерман. В руках у него шкатулка.

Б е л у г и н. Вы что-то сказали?

Ц у к е р м а н *(с улыбкой присаживается рядом на стул)*. Господин Белугин…

Б е л у г и н. Да-да?

Ц у к е р м а н. У меня есть ВЕЩЬ.

Б е л у г и н *(заинтересованно)*. Так…

Ц у к е р м а н. Эта вещь — очень дорогая вещь. Её невозможно продать здесь, в России.

Б е л у г и н. Так…

Ц у к е р м а н. Её приблизительная цена — сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Б е л у г и н. Так!

Ц у к е р м а н. И я хочу продать эту вещь за настоящие деньги.

Б е л у г и н. Так-так-так! Надеюсь…

Ц у к е р м а н. Разумеется. Прошлое абсолютно безупречно. Вещь была у моих родственников, теперь принадлежит лично мне.

Передаёт шкатулку в руки Белугина. Тот внимательно разглядывает.

Б е л у г и н. С виду такая простенькая… Где-то я её уже видел… А вы уверены?..

Ц у к е р м а н *(перебивает)*. Сегодня же я подготовлю для вас подробную справку об этом предмете. *(Забирает шкатулку.)* Я также возьму на себя оформление документа, в котором будет указано, что

шкатулка не представляет художественной ценности и может быть беспрепятственно вывезена за рубеж.

Б е л у г и н. Вы очень предусмотрительны, с вами приятно иметь дело. Однако, перейдём к главному. Моя доля.

Р о з а М о и с е е в н а *(неохотно)*. Додик, пускай он работает из половины.

Ц у к е р м а н *(удивлённо)*. Из половины.

Б е л у г и н *(резко поднимаясь из кресла)*. По рукам.

Жмут руки.

Ц у к е р м а н. Необходимые формальности, касаемые нашего письменного договора…

Б е л у г и н. Разумеется. Итак, завтра я у вас ровно в десять. Мы обсудим это дело во всех подробностях.

Цукерман провожает Белугина и возвращается.

Ц у к е р м а н. Роза! Но почему только половину?!

Р о з а М о и с е е в н а. Потому что если ты запросишь больше, эта сволочь отберёт у тебя всё. Из половины у тебя будет хотя бы шанс получить деньги и ты сможешь отдать их обворованной тобою девочке. Впрочем, я думаю, что с этой авантюры ты не будешь иметь ни одной копейки.

Ц у к е р м а н. Ах, боже мой, боже мой!..

ПЯТАЯ СЦЕНА

Поздний вечер того же дня. Спальня Пчёлкиных.
Супруги, одетые в одинаковые пижамы, лежат под одеялом
перед негромко работающим телевизором.

О л ь г а. Пчёлкин, ты Карла Маркса читал?

А л е к с е й. Нет… в институте что-то конспектировал.

О л ь г а. Что?

А л е к с е й. Что-то из «Капитала»… кажется. Ты вообще, Оля, ты это брось… Так недолго и правда… с ума сдвинуться. Не переживай, достанем мы где-нибудь эту тыщу.

О л ь г а. Нет, ничего, я не переживаю. Просто я его сегодня у дяди в лавке видела. Солидный такой мужчина…

А л е к с е й. Кто?!

О л ь г а. Да этот, Карл…

Алексей приподнимается на локте и в упор смотрит на свою жену.

Ольга. Нет, ты не думай. Он не живой был, так, бронзовый…

Алексей *(ложится)*. Оля, я тебя прошу, не пугай меня больше так.

Пауза.

Ольга. Ну и как, интересно?

Алексей. Что?

Ольга. Ну… «Капитал».

Алексей. Не знаю… Я ведь не читал — конспектировал. А вас разве не заставляли?

Ольга. Нет, у нас уже была перестройка. Мы что-то другое конспектировали. Это… «Ускорение и интенсификация»… тьфу, не выговорить.

Алексей. Слушай, а ты торговаться не пробовала со своим дядей?

Ольга. Нет, он и так больше предложил.

Алексей. Вот это и странно, что больше предложил.

Пауза.

Ольга. Борис Андреевич мог бы одолжить.

Алексей. Что? Белугин? Ни за что!

Пауза.

Даже не думай. Я лучше… я лучше… Всё что угодно, только не к Белугину.

Молчат.

В телевизионных новостях говорят

о неконтролируемом падении рубля и грозящей гиперинфляции.

Ольга. Теперь за тысячу долларов можно, кажется, пол России купить.

Алексей. Ладно-ладно, не переживай. Завтра где-нибудь достанем. Давай спать, утро вечера мудренее.

Гасит телевизор.

ШЕСТАЯ СЦЕНА

Сон Алексея Пчёлкина.

В кресле возле кровати сидит Карл Маркс.

У него на коленях огромный бутафорский том «Капитала».

Слюнявя пальцы, он перелистывает страницы.

Освещена только его голова и книга.

Алексей садится на кровати, трясёт головой, смотрит на него во все глаза.

А л е к с е й. Ава… а…

Маркс поднимает голову, с пылью захлопывает книгу.

К а р л М а р к с. Гутен морген, Алексей Дмитриевич!

Производит мучительные гримасы и движения.
Берёт себя в руки.

А л е к с е й. А что… уже морген?

К а р л М а р к с. Четвёртый час, светает.

А л е к с е й. Так, всё в порядке. Это сон. Всё хорошо.

Начинает вести себя бесстрашно. Встаёт, прохаживается вокруг кресла.

Ага! Призрак бродит по Европе! Что же это вы, батенька, так опозорились? «Учение Маркса верно, потому что оно верно…» или как там?.. Основоположник называется. Я вот вам сейчас всё, всё выскажу!

Карл Маркс откладывает книгу, устраивается глубже в кресле,
подперев ладонью подбородок. Готовится слушать.

А л е к с е й. Ава… а…

Раскрывает рот, жестикулирует, но от полноты чувств ничего не может сказать.

Тьфу! Не получается. Всё из головы вылетело!

К а р л М а р к с. Не огорчайтесь, Алексей Дмитриевич. Что такое в ваше время — тысяча долларов? Недельная оплата неквалифицированного рабочего в Североамериканских Штатах.

А л е к с е й. Это у них — недельная. А у нас многим за всю жизнь столько не накопить. Вот вы книгу написали. Я её, по правде, не читал. Но если вы знаете — научите, как этот самый капитал приобрести. Но только мне необходимо в самый кратчайший срок!

К а р л М а р к с. Как это вы интересно рассуждаете. В кратчайший срок можно только отобрать. То, что другие заработали.

А л е к с е й. Так вы про это, что ли, писали?!

К а р л М а р к с. Ну и про это тоже… писал когда-то. Молодой был, как вы. Не очень умный. Хотел, чтобы всё общее — и дома, и средства производства, и женщины, и юноши… кому что.

А л е к с е й. Так вы сами, стало быть, капитала нажить не умеете?

К а р л М а р к с. Делить — могу. Наживать — не умею.

А л е к с е й *(нервничает).* Так что же вы… Столько лет людям мозги компостировали! Люди вам поверили, наворотили тут, понимаешь…

К а р л М а р к с. Позвольте, я-то чем виноват? Мало ли ещё других людей записывают свои досужие мысли после сытного обеда? Глупости, конечно. Графоманство. Но вас же читать не заставляли?

Алексей ходит взад-вперёд, в отчаянии жестикулирует.

А л е к с е й. Да если бы… не ваше графоманство… У моего прадеда дом был в Саратове. Каменный. И сейчас стоит. А я, по вашей милости… супруга уже, кажется, заговаривается!

К а р л М а р к с. Кто же вашего прадеда из дома выгнал?

А л е к с е й. Так ведь этот ваш… призрак коммунизма. То есть, уже не призрак, а когда материализовался в полной мере.

К а р л М а р к с. А-а… Он может. Я вам вот что скажу, молодой человек. Возьмите все эти мои сочинения — и в печку. Дом ваш вернуть не берусь, а квартирка при вас останется.

А л е к с е й. Где же мы денег возьмем?

К а р л М а р к с. Денег? Деньги — тоже химера. Деньги вам нужны или квартира?

А л е к с е й. Квартира… И деньги бы не помешали.

К а р л М а р к с *(небрежно).* Можно и деньги…

Поднимается из кресла. Теперь, когда он освещён, видно, что он одет в кожаную «косуху», кожаные штаны и «казаки». Волосы оказываются несколько длиннее, чем это принято изображать на портретах. На шее — наушники плейера. На груди — бандана с черепами. В руке — мотоциклетный шлем, стилизованный под фашистскую каску. По всему видно, что он — матёрый ночной байкер.

А л е к с е й. Вот это номер!.. Вы, простите, кто теперь на самом деле — призрак коммунизма или рокер?

К а р л М а р к с. Призраки — они тоже рядом с людьми живут.

А л е к с е й. Тогда, извините за любопытство… какая у вас музыка в наушниках?

К а р л М а р к с. Родная, отечественная.

А л е к с е й. Моцарт? Бах? Бетховен?..

К а р л М а р к с. Отстой, хлам, нафталин! «Роммштайн» мне более всего по душе…

Громко врубает музыку.

Тряся головой и подпевая фонограмме, удаляется,
помахав Алексею на прощание рукой.
За сценой к музыке примешивается оглушительный треск мотоцикла.
В две секунды всё затихает, свет гаснет.

СЕДЬМАЯ СЦЕНА

Утро. Пчёлкины завтракают. Приглушённо работает радио;
диктор говорит о продолжающемся падении рубля.

О л ь г а. Пчёлкин, ты почему не ешь?

А л е к с е й. Так, не хочется. А ты почему?

О л ь г а. А я фигуру берегу.

А л е к с е й. Теперь не надо. В коммуналке с упитанными боками — легче выжить.

О л ь г а. Ты тоже где-нибудь позанимайся. Ещё не известно, какие дебоширы попадутся.

А л е к с е й. Я себе газовый пистолет куплю.

О л ь г а. Главное, сразу так себя поставить, что б боялись… ну, уважали. На кухне стол у окна занять. В ванную, в сортир — чтобы без очереди… *(Плачет.)*

А л е к с е й *(встаёт, прохаживается)*. Оля.

О л ь г а. Что…

А л е к с е й. Звони Белугину, я согласен.

О л ь г а *(перестаёт плакать)*. Правда?

А л е к с е й. Правда, правда.

О л ь г а. Нет, правда, он поможет! Он сам предлагал обращаться, почему бы не обратиться, если человек сам предлагает?..

А л е к с е й. Я же сказал — согласен. Звони, только не плачь.

О л ь г а. Ну, тогда я звоню?..

Снимает трубку, вытирает платочком нос, нажимает кнопки.

О л ь г а *(слегка дрожащим голосом, в нос)*. Борис Андреевич? Здравствуйте, это я, Оля… Да, ничего, спасибо… А вы как? Ага… Когда? Ага… Борис Андреевич, у вас тысяча долларов есть?.. То есть, в долг, конечно. То есть, в долг, конечно. Да, очень срочно. Хорошо, я подожду. *(Закрыв трубку ладонью шепчет мужу: «Сейчас посмотрит!»)* Да-да, слушаю. В девятнадцать тридцать? Да-да, я всё поняла, я буду.

Медленно вешает трубку, вытирает платочком нос.

О л ь г а *(тихо)*. Он постарается.

Пауза.

А л е к с е й. Я с тобой поеду.

Пауза.

О л ь г а. Дурак ты, Пчёлкин. Хоть и Маркса конспектировал. Я же ему буду глазки строить!

А л е к с е й *(испуганно)*. Это зачем?

О л ь г а. Так ведь это не он у меня, а я у него просить буду.

А л е к с е й. Погоди… Просить не надо. Если так не даст, просить не надо!

Ольга, глядясь на себя перед зеркалом, пожимает плечами.

А л е к с е й. А ты знаешь, как это называется?!

О л ь г а. Как?

А л е к с е й. Ну, это… слово забыл… Ну, почти… проституция.

О л ь г а. Консумация!

А л е к с е й. Да!

О л ь г а. По-моему, ты, Пчёлкин, что-то немного путаешь.

А л е к с е й. Ничего я не путаю. Я после этого… ты после этого…

О л ь г а. **Этого** — не будет.

А л е к с е й. Чего… этого?

О л ь г а. А ты… про что?

А л е к с е й. А ты… про что?

Испуганно смотрят друг на друга.

О л ь г а *(оскорблённо)*. Пчёлкин, если ты мог такое про меня подумать… *(Качает головой, утирает слёзы платочком.)*

А л е к с е й. А я ничего такого не подумал. Только лучше будет, если я сам денег достану.

О л ь г а. Доставай! Ну? Что же ты не достаёшь? Где они у тебя? — в тумбочке?..

Алексей торопливо одевается.

О л ь г а. Ты куда?

А л е к с е й. Не знаю. Убью кого-нибудь, ограблю, а денег достану. Не ходи никуда, понятно?..

Убегает.

О л ь г а. Понятно…

Вздыхает, раскрывает шкаф с зеркалом и,
под звуки мелодии из к/ф «Мужчина и женщина»,
примеряет свои нехитрые туалеты — один соблазнительнее другого…

ВОСЬМАЯ СЦЕНА

Там же. За окном темнеет. Входит Алексей.
С первого взгляда понятен результат его усилий.
Он медленно подходит к холодильнику, достаёт открытую банку консервов,
начинает жадно есть прямо на корточках. Пьёт воду из горлышка бутылки.
Падает спиной на диван, смотрит в потолок.

А л е к с е й. Уму не постижимо. И какие они милашки, когда от них ничего такого не надо! Свои в доску! А эти, сослуживцы…

Передразнивает:

«Старик! Ты даже не представляешь, как Я попал!..»

Пауза.

Бизнесмен… Друг детства, выросли в одном дворе.

Передразнивает:

«О чём речь, Пчела, бери, бери всё что есть, всё, что в кассе! Я сам давно хочу закрыть этот паршивый бутик и удавиться!..»

Пауза.

Банкир. Армейский товарищ!..

Передразнивает:

«Видишь ли, Алексей, ввиду сложившейся конъюнктуры и стремительного роста процентных ставок, бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу…» А сам завтра же поедет на Канары швырять деньги направо и налево.

Пауза.

Нет, нет, всё! Теперь и я буду таким. Пусть только кто-нибудь чего-нибудь попросит! Всё, всё через предоплату. Вам немножечко веры?.. надежды?.. Ах, вам только немножечко любви… А извольте-ка предоплату! Человек человеку — волк!

Пауза.

Интересно, Белугин дал денег? А он ведь хуже всех этих, человек совершенно бессовестный. Конечно, женщинам легче просить… Женщинам вообще жить легче.

Пауза.

А что если он… Что если она… ради того, чтобы… Нет, не может быть! И времени… *(смотрит на часы)* прошло слишком мало.

Если через час не вернётся, позвоню ему на трубку и — пропадай всё пропадом!..

Пауза.

А если он выключил?.. Нет-нет! Тогда надо бежать, искать!..

Резко садится.

Где искать?.. Нет, не мог он выключить. Слишком деловой, чтобы так просто взять и выключить. *(Обхватывает голову руками.)* Что делать, что делать?..

Откидывается на спину.

Если бы кто-то другой, хоть чёрт лысый, предложил мне сейчас эту тысячу…

Звонит телефон.

Алексей садится, испуганно таращит на него глаза.

Снимает трубку.

А л е к с е й. Да?.. Кто? Мила?.. Нет, я один. Н-не знаю… Кажется, ничего. Прямо сейчас? К вам?.. Ну, хорошо… Секунду, записываю… *(Лихорадочно рвёт клочок бумаги, пишет.)* Так… так… так… Хорошо, договорились. Уже еду.

Вешает трубку. С сосредоточенным видом начинает торопливо переодеваться.

А л е к с е й. Не знаю… чего от меня надо… этой бандитской семейке… Но это шанс. Очень, очень реально. Как это они говорят… Конкретно! Интересно, что сделать надо? Убить? А я на всё готов…

Убегает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Ольга и Белугин в ресторане. Характерный шум.

Начинает настраиваться оркестр. Проходят к свободному столику.

О ф и ц и а н т. Пожалуйста сюда, здесь будет удобно.

Выдвигает стул для Ольги, оставляет карту Белугину, уходит.

О л ь г а *(садится, сразу начинает торопливо говорить).* Борис Андреевич, я хочу объяснить вам, что эти деньги, если вы, конечно, дадите, мы с Пчёлкиным, то есть, с мужем моим Алексеем, вернём вам ровно через год. Я всё рассчитала, вот… *(вынимает тонкую исписанную тетрадочку, листает)* вот: мы будем

откладывать ежемесячно по… вот, тут всё написано… плюс к тому я возьму дополнительные уроки, репетиторство, Пчёлкин, то есть, муж мой Алексей, будет работать сверхурочно…

Б е л у г и н *(приятно улыбаясь, берёт руку Ольги в свои руки)*. Остановитесь. Не надо сверхурочной работы. Не надо репетиторства. Я нашёл деньги, которые вам необходимы. И я не ставлю вам никаких условий.

Оркестр начинает играть красивую мелодию.

О л ь г а *(испуганно)*. Правда?

Белугин молча целует Ольге руку, та в смущении опускает глаза.

Появляется официант.

О ф и ц и а н т. Будете заказывать?

Белугин предлагает Ольге меню, но она не берёт.

О л ь г а. Нет-нет, спасибо, я совсем ничего не буду!

Белугин делает знак официанту, тот наклоняется.

Водя пальцем по строчкам и что-то негромко произнося, Белугин делает заказ.

Ольга смущённо смотрит по сторонам.

Слева направо по сцене проходит Поэт. Замерев, смотрит на Ольгу.

Справа налево, вихляясь под музыку, по сцене проходит Хулиган.

Нарочно задевает плечом Поэта.

У Белугина звонит телефон.

Б е л у г и н *(в трубку)*. Да-да! Отлично. Как договорились. В девять утра буду у вас. До завтра, Давид Семёнович.

Ольга удивлённо смотрит на Белугина.

Б е л у г и н. Один из моих деловых партнёров.

Демонстративно выключает и прячет трубку в карман.

Официант приносит вино, наливает.

Б е л у г и н *(чокается с Ольгой)*. За нашу встречу.

Пьёт, глядя в глаза Ольге. Та, слегка пригубив, ставит бокал.

Б е л у г и н. Прошу вас…

Ольга выпивает до дна, у неё снова развязывается язык.

О л ь г а. Вы знаете, нам нужно было две тысячи, но одну тысячу я вчера уже достала…

Б е л у г и н. Что вы говорите? И кто же этот рыцарь без страха и упрёка?

О л ь г а. Мой дядя, Давид Семёнович.

Б е л у г и н. Он дал вам тысячу долларов?

О л ь г а. Я продала ему кое-что из своих вещей.

Б е л у г и н. Так-так… Теперь я вспоминаю, где я видел…

О л ь г а. Что вы говорите?

Б е л у г и н. Нет, ничего. Давайте выпьем ещё.

Белугин наливает вино, оба пьют.

О л ь г а. Вы знаете, я тоже где-то видела…

Б е л у г и н. Что?

О л ь г а. Эту булавку, которая на вашем галстуке.

Б е л у г и н. От вас ничего не скроешь, Ольга Петровна. Вы догадались, что я тоже был у вашего дяди.

О л ь г а. Догадалась и подцепила вас на эту булавку, хотя никогда раньше её в глаза не видела. А почему вы хотели от меня это скрыть?

Б е л у г и н. Ну… может быть… когда-нибудь, с помощью вашего дяди, я приготовлю вам какой-нибудь маленький сюрприз.

О л ь г а. Умоляю вас, Борис Андреевич, не нужно никаких сюрпризов. Подумайте сами, в какое положение вы можете меня поставить…

Белугин наливает вино, Ольга делает глоток, ставит на место.

О л ь г а. Послушайте! Мне нельзя столько пить! Я ещё совсем ничего не ела сегодня.

Б е л у г и н. Момент…

Щёлкает пальцами, подзывая официанта.
Оркестр начинает играть ритмичную мелодию.
На заднике сцены, на белом экране, высвечивается светомузыка.
Театром теней появляются силуэты танцующих.
Официант приносит закуски.

Б е л у г и н. Прошу вас.

Ольга нехотя ковыряет вилкой в тарелке.

О л ь г а. Странно… Совсем не хочется есть.

Б е л у г и н. Тогда выпьем ещё.

Пьют. Белугин наливает ещё.

Б е л у г и н *(закусывает)*. Оленька, признайтесь мне честно… Вам всё это — ещё не наскучило?

Ольга удивлённо озирается по сторонам.

О л ь г а. Что?..

Б е л у г и н. Ну, вся эта жизнь… Лишённая романтики, поэзии… безумств… Сладости запретного плода, в конце концов.

О л ь г а. Вы не моет знать, чего я лишена, а чего имею в достатке.

Б е л у г и н. Да, конечно, вы правы. Сейчас вы здорово поставили меня на место. Наверное, я выразился не совсем удачно.

О л ь г а. Вы выразились не совсем прилично.

Б е л у г и н *(протягивает наполненный бокал)*. Простите. *(Чокаются, пьют.)* Знаете, Оленька…

О л ь г а. Знаю, знаю. Вы сейчас скажете, что годы летят, что жизнь даётся нам только один раз, и что пора, пока не поздно, брать от этой жизни всё. Как в слогане рекламы какого-то паршивого лимонада. Или что-нибудь ещё в этом роде.

Б е л у г и н. Что-нибудь в этом роде… Знаете, Оля, с каждой минутой я убеждаюсь, что совсем не знал вас прежде.

О л ь г а. Можно узнать много нового, оказавшись с женщиной наедине. Особенно, если она выпила натощак.

Б е л у г и н. Я не могу кормить вас насильно.

О л ь г а. Не надо. Давайте ещё выпьем.

Пьют.

Б е л у г и н. Ещё пять минут назад я собирался говорить с вами о романтике тайных свиданий…

О л ь г а. Да… *(Закусывает.)* Что-то в таком роде вы пытались проанонсировать.

Б е л у г и н. Глупо…

О л ь г а. И что теперь?

Б е л у г и н. Завтра утром я улетаю в Лондон. Просто вы останетесь моим последним радостным воспоминанием на этой земле.

О л ь г а. Поздравляю, это уже немного тоньше. Я почти клюнула. Однако есть одно обстоятельство… Чтобы впоследствии вас не постигло внезапное разочарование, обязана предупредить: рамки моих полномочий не распространяются дальше лёгкого флирта.

Б е л у г и н. Кто же обозначил эти рамки? Ваш муж?

Ольга закусывает, поэтому не может ответить.

Б е л у г и н. Он знает где мы? Может быть, он сейчас следит за нами?.. *(Вертит головой по сторонам.)*

О л ь г а. Не бойтесь. Он понятия не имеет, где мы.

Оркестр начинает играть медленный танец.

Б е л у г и н. Знаете, я решил переменить тактику.

О л ь г а *(закусывает).* Ага…

Б е л у г и н. Вы умная женщина, и от этого меня ещё больше влечёт к вам. Просто чертовски влечёт… И я больше не буду говорить о романтике тайных свиданий или о сладости запретного плода.

О л ь г а *(поперхнувшись).* Извините…

Б е л у г и н. Вам нужна тысяча долларов. Я мог бы одолжить вам эту сумму на длительный, никак не оговоренный срок. Разумеется, без всяких процентов. Прошу вас…

Наполняет бокалы.

Ольга выпивает залпом, не сводя глаз с Белугина.

Б е л у г и н. Деньги у меня дома. Да не смотрите же так! Я действительно не могу носить в карманах пачки наличности. Поверьте, это не та уловка, чтобы затащить вас в постель.

О л ь г а. Не та.

Б е л у г и н. Впрочем, если вы одержимы только одной этой идеей… Если вы не доверяете порядочности мужчины, депутата, в конце концов…

О л ь г а. Не доверяю. Но всё равно, поехали. *(Встаёт.)*

Б е л у г и н. Погодите! *(Берёт Ольгу за руку.)* Теперь вы готовы лишить меня последнего удовольствия. Пойдёмте, потанцуем.

К столику подходит Поэт.

Ольга садится, не обращая на него внимания, потирает пальцами лоб, пытаясь сосредоточиться.

Поэт опускается на колени и, заглядывая Ольге в глаза, громко и нараспев читает стихи.

П о э т. Кудесница! О талия! О линия бедра!
Ресницы длинные в глазах твоих лукавых
Уже ль не будут мне они кивать,
Согласье означая?!

Иль в гроб сведёт меня тоска!
Иль я постигну тайный плод моих желаний!..

О л ь г а. Послушайте! Послушайте! Вы — человек?

П о э т. Да! Я — человек!

О л ь г а. Зачем же вы воете как собака?

Поэт отшатывается в ужасе.

О л ь г а. Поверьте мне, так стихи н читают. И стихи ваши, между прочим, нахальные. Что это ещё за тайный плод ваших

желаний? Очумели вы все от жары? Идите, жене своей рассказывайте.

Б е л у г и н. Идите, идите, молодой человек, не мешайте. *(Вслед уходящему в отчаянии Поэту.)* Сумасшедший…

О л ь г а. Послушайте! Что это у вас у всех плоды на уме?

Б е л у г и н. А разве я тоже что-то такое говорил?

О л ь г а. Что-то такое.

Б е л у г и н. Напомните, пожалуйста.

О л ь г а. Вы говорили, что моя жизнь лишена поэзии, романтики и сладости запретного плода.

Б е л у г и н. Какая у вас память.

О л ь г а. Учтите, что я выпила. Так вот давайте я всё-таки отвечу. Из вышеперечисленного списка — поэзию *(кивает в сторону удалившегося Поэта)* — мы решительно вычёркиваем. Поэзия в этом смысле меня совершенно и окончательно разочаровала. Налейте.

Белугин наполняет бокалы, пьют.

Романтику — тоже. Потому что…

Над столиком склоняется официант.

О ф и ц и а н т. Горячее подавать?

Ольга отмахивается.

О л ь г а. Потому что, какая же здесь *(делает жест в сторону удаляющегося официанта)* романтика. *(Пауза.)* Что же касается вашего… *(допивает)* плода… *(Пауза.)* То нельзя ли пояснить более конкретно: что вы имеете в виду.

Б е л у г и н. Ну… А разве я не говорил?.. Ах, ну да. Теперь я вспомнил. Конечно, теперь я вспомнил! Это из Библии. Да. Где-то в самом начале. Возможно, я просто недостаточно точно процитировал. Ведь у меня не такая хорошая память, как у вас.

О л ь г а. Из Библии?

Б е л у г и н. Конечно. А вы что подумали?

О л ь г а. Ага. Теперь я понимаю. Скажите, а он тоже?.. Ну, этот, который читал здесь стихи про линию бедра?.. Он тоже имел в виду… возвышенные материи?

Б е л у г и н. Оленька, дорогая, разумеется я не могу поручится за этого несчастного идиота. Но… вполне вероятно.

О л ь г а. А я, признаться, подумала, что вас волнует совсем другое. Мне теперь даже как-то неловко…

Берёт из вазы яблоко и вручает Белугину.

Держите. Это совершенно точная цитата. Из Библии, где-то в начале. И — прощайте.

Залпом выпивает бокал вина и поднимается, чтобы уйти.

Б е л у г и н. Погодите!..

Между Белугиным и Ольгой возникает Хулиган. Хватает Ольгу за талию.

Х у л и г а н. Па-атанцуем?..

Ольга выворачивается, берёт из вазы яблоко и вручает Хулигану.
Берёт ещё по яблоку в обе руки.

О л ь г а. Ну, кому ещё запретного плода? Эй, мужчины! Держите!..

Одно за другим швыряет яблоки из вазы — в зрительный зал.

Налетай!.. Только не забывайте подумать, что будете делать потом — с огрызками… Ловите! Что же вы?.. Эй!..

Белугин хватает Ольгу за руки, пытается усадить.
Неожиданно Хулиган наносит ему боксёрский удар.
Белугин улетает за кулисы, откуда торчат только его ноги.
Хулиган пытается заставить Ольгу с ним танцевать.
Появляется Поэт, прыгает сзади на Хулигана, обхватывает его за шею, душит.
Ольга визжит, Хулиган рычит, Поэт кричит «не смей её трогать!»,
свистит прибежавший милиционер.
Оркестр сползает на низы, свет гаснет.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Квартира Милы Истоминой. Хозяйка в трауре.
На столе начатая бутылка, несколько рюмок. Негромко играет джазовая музыка.
Мила сидит в кресле, курит сигарету, вдетую в длинный мундштук.
Звонит телефон, Мила берёт трубку.

М и л а. Да. Благодарю. Послезавтра. Все дела потом.

Звонок в дверь.
Мила гасит сигарету, опускает на лицо чёрную вуаль, выключает музыку.
Идёт открывать. Возвращается с ошарашенным Алексеем.

А л е к с е й. А… э-э…

Звонит телефон. Мила снимает трубку.

М и л а. Да. Благодарю. Послезавтра. Все дела потом.

Вешает трубку, смотрит на Алексея.

М и л а. Ну что же вы стоите как столб? Не беспокойтесь, я одна. Теперь совсем одна.

А л е к с е й. А где… ваш муж?

М и л а. Со вчерашнего дня я вдова.

Алексей рывком расслабляет галстук на шее. Осматривается.

М и л а. Не бойтесь, его уже увезли. *(Поднимает вуаль, прикуривает.)*

А л е к с е й *(медленно опускается на стул).* Когда же… это… случилось?

Мила наливает водку в одну из рюмок.

М и л а. Мы возвращались откуда-то из гостей… была уже ночь… Ах, да, мы как раз были у вас… Зашли в парадную, вдруг — бах! бах!.. Я даже ничего не успела понять. Как потом оказалось, лампочку в парадной выкрутили специально… Выпейте.

Алексей опрокидывает рюмку водки, словно это вода.

Звонит телефон, Мила берёт трубку.

М и л а. Да. Благодарю. Послезавтра. Все дела потом.

Вешает трубку.

А л е к с е й. Когда похороны?

М и л а. Послезавтра. Все дела потом… Извините, эти бесконечные звонки… Вы уже выпили? Я тоже выпью.

Мила наливает две рюмки, слегка пригубливает.

Алексей опрокидывает свою, не чувствуя вкуса.

М и л а. Вам лучше?

А л е к с е й. Спасибо. Кажется, немного лучше.

М и л а. Вот и хорошо, я рада. Вы такой впечатлительный… извините, я на минутку…

Мила выходит.

Алексей берёт трубку, набирает номер, слышит длинные гудки.

Появляется Мила в довольно смелом халатике.

М и л а. Закройте рот, пожалуйста. Вы удивлены, что не увидели здесь море слёз?.. Да, вы правы, я никогда не была ему примерной женой. Если хотите, это был брак по расчёту. Нечто вроде акционерного общества закрытого типа — АОЗТ. Акции мужа назывались «Деньги и Сила», мои — «Красота и Ум». В этом смысле наше сотрудничество было чрезвычайно эффективным. Однако, ради этого полезного сотрудничество, мне приходилось приносить в жертву многое такое, чего не купишь за деньги… Да повесьте же трубку! Ваша жена, скорее всего, вам изменяет. Ваши с ней совместные акции, состоящие, как вы, надо полагать, думали, из одних только добродетелей, резко обесцениваются.

А л е к с е й. Мила, что вы говорите!

М и л а. Как будто вы не знаете сами, что она ушла на свидание с Белугиным.

А л е к с е й. Это не свидание, это деловая встреча. И вообще, откуда вы знаете?

М и л а. Просто болтали по телефону.

А л е к с е й. С Олей?

М и л а. Нет, с Белугиным. В наших с ним бизнес-планах оказалось много чего общего. Неприятный тип. Однако, нам придётся сотрудничать. Весь бизнес мужа я беру в свои руки…

Звонит телефон.

М и л а. Да. Благодарю. Послезавтра. Все дела потом.

Вешает трубку.

Знаете, я, пожалуй, включу автоответчик. *(Нажимает кнопку, надиктовывает.)* «Благодарю вас за соболезнование. Похороны состоятся послезавтра. Все дела потом.»

А л е к с е й *(глядя перед собой)*. Как вы думаете, он…

М и л а. Вполне возможно, что он имеет именно такие намерения. Однако, Оля взрослая женщина и должна вполне отчётливо понимать все возможные нюансы такого дела…

А л е к с е й. Что, что понимать?!

М и л а. Послушайте, это, в конце концов, глупо. Ревностью вы ничего не добьётесь.

А л е к с е й. Нет, скажите, что она должна понимать. Объясните, вы — женщина.

Мила принимает соблазнительную позу на устеленной белым мехом тахте.

М и л а. Я рада, что вы всё-таки это заметили. Налейте ещё.

Алексей наливает и подаёт Миле рюмку.

Мила удерживает его, заставляя сесть рядом.

М и л а. Оля знает, что Белугин от неё без ума, но, тем не менее, идёт к нему просить денег. И понимать тут совершенно нечего.

А л е к с е й *(прикрыв глаза, запрокидывает голову)*. У-у-у!!!

М и л а. Не страдайте. Существует по крайней мере два обстоятельства, которые могут им сильно помешать.

А л е к с е й *(отнимает руку)*. Какие?

М и л а. Ну, первое — это то, что Белугин, как все богатые мужчины, до неприличия скуп. Хотя, не скрою: ради того, чтобы покрасоваться перед желанной женщиной, он может кое-чем пожертвовать…

А л е к с е й. А второе?

М и л а. Со временем узнаете и второе. Может быть.

Чокаются, выпивают.

А л е к с е й. Погодите!.. Мы не должны были чокаться!

М и л а. Вот ещё глупости. Официальная часть закончена. *(Включает музыку, гасит свет, оставляет мягкую «интимную» подсветку.)* Вы тоже можете снять пиджак… *(Стаскивает с плеч Алексея пиджак.)*

А л е к с е й. Зачем? Не надо…

М и л а. И даже ослабить галстук… *(Стаскивает галстук и расстёгивает ему пуговицы рубашки.)*

А л е к с е й. Что вы делаете…

М и л а. Я хочу, чтобы вы меня… чтобы вы меня утешали. Вы не посмеете отказать женщине в такой малости… Ну же… ну…

Затемнение.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Квартира Белугина.

Хозяин лежит на диване с компрессом на лице. Ольга хлопочет возле него.

О л ь г а. Борис Андреевич! Ну зачем, зачем вы полезли в эту драку!

Б е л у г и н *(в нос)*. Честь дамы, дорогая Оленька… Прежде всего честь дамы…

О л ь г а. А сколько было крови! Милиционер подумал, что вас зарезали!

Б е л у г и н. В такси… я там обивку запачкал… Вы заплатили?

О л ь г а. Заплатила. Только он больше требовал, а у меня нет.

Б е л у г и н. Господи, господи… Как же ещё необеспеченно живёт наш народ! Наши врачи, учителя… Оленька, ведь вы учитель?

О л ь г а. Я учительница.

Б е л у г и н. Конечно, разумеется… Знаете, у меня слабый нос, ещё с детства. Мне сделали подножку, и я ударился о парту.

Сделали подло, исподтишка. Но я — не ропщу, как видите. И не виню своих учителей, своих жестоких товарищей… С тех пор у меня слабый нос.

О л ь г а *(подносит новый компресс)* Да-да, я уже в курсе…

Б е л у г и н. Но ведь сила у мужчины не в этом?

Ольга переменяет компресс, Белугина ахает.

О л ь г а. Я полагаю, что сила у мужчины совершенно в другом месте.

Б е л у г и н *(поднимает голову).* Правда? Вы тоже так думаете? А в каком, в каком?

О л ь г а. Где-то приблизительно вот здесь *(указывает на свою голову)* и вот здесь *(указывает на своё сердце).*

Б е л у г и н. Но вы показали два. А, может быть, их ещё больше?

О л ь г а. Знаете, у вас кровь больше не течёт. И лёд уже весь растаял…

Снимает с лица Белугина компресс, даёт ему полотенце.

Белугин осторожно садится, вытирает лицо. У него из носа торчит вата.

Б е л у г и н. Оленька, дорогая… даже не представляю, что бы я без вас делал.

О л ь г а. Ну, если бы не я, вы бы вообще не получили по физиономии.

Б е л у г и н *(шутит).* Нет-нет, я бы всё равно вступился бы за какую-нибудь другую женщину. Я такой неисправимый романтик… и дон-кихот…

О л ь г а *(устало).* Ладно, дайте чего-нибудь выпить.

Б е л у г и н. Да-да, конечно…

Торопливо достаёт бутылку коньяка, фужеры. Открывает коробку конфет.

Гасит свет и зажигает свечи. Наполняет фужеры.

Там, на кухне, возьмите закусить. Икра, сыр, фрукты…

О л ь г а *(выпивает залпом).* Не надо. Дайте деньги, и я пойду.

Б е л у г и н. Вы куда-нибудь торопитесь?

О л ь г а. А вы уже забыли, что я замужем?

Б е л у г и н *(многозначительно).* А вы позвоните. Позвоните и скажите, что всё идёт по плану.

О л ь г а *(сняв трубку, кладёт её обратно).* По какому плану?

Б е л у г и н. Ну, у вас ведь должен был существовать какой-то план?.. *(Улыбается.)* Моего обольщения… Или вы рассчитывали лишь только на то, что я проникнусь состраданием к вашим совместным финансовым трудностям? За истекшие сутки ко мне могли обратиться целые коллективы граждан, жизнь или смерть которых зависит от тысячи американских долларов. И если бы у них было хотя бы на волосок надежды их получить, они бы все рыдали, ползая здесь, у меня в ногах.

О л ь г а. Они умерли?

Б е л у г и н. Умерли?..

О л ь г а. Вы сказали, что от вас зависела их жизнь или смерть.

Б е л у г и н. Знаете что… Давайте считать, что я всё-таки даровал им жизнь. Ну, также, разумеется, богатство и титулы. Дорогая, что у вас за мрачные мысли? Выпейте, выпейте ещё…

Пьют.

Вы хотите денег? Так позвоните мужу и обрадуйте его. Скажите ему, что дело в шляпе!

Ольга набирает номер, слушает длинные гудки.

О л ь г а. Никого нет.

Б е л у г и н. Вот видите? Оказывается, спешить совершенно некуда. Вас никто не ждёт. А вдруг случится так, что ваш муж сам найдёт необходимую сумму? Тогда у вас будет ровно вдвое больше того, что нужно. А это бывает тоже не очень хорошо, поверьте.

О л ь г а. Где же он… Сегодня у него был такой вид, как будто он готов на всё ради этих денег, буквально на всё…

Б е л у г и н. Не переживайте. Мне почему-то кажется, что с вашим мужем всё обстоит благополучно.

О л ь г а. А мне почему-то кажется, что вы всё время чего-то не договариваете. Вы знаете где он?

Б е л у г и н. Оставим догадки и подозрения. Вы у меня в гостях, а ведь ещё вчера я не мог и мечтать…

О л ь г а. Когда же вы начали? Ну, мечтать? Когда я пришла к вам на свидание? Или ещё раньше, когда я вам позвонила? Наверное, тогда вся перспектива этого вечера пронеслась в вашем

воображении. Со всеми подробностями. И, может быть, даже с этой дракой в ресторане?..

Б е л у г и н. Как же я мог предусмотреть драку?

О л ь г а. А нет ничего проще. За вечер вы не раз уходили… освежиться. Вы могли всё подстроить.

Б е л у г и н. Даже пожертвовав ради этого собственным носом?

О л ь г а. Даже носом.

Б е л у г и н. Какая прелесть.

О л ь г а. Если вы заплатили за потасовку вперёд, этот тип, этот хулиган, мог вас просто-напросто одурачить и ударить по-настоящему.

Б е л у г и н *(притворно смеётся).* Как вы говорите?.. Заплатил?.. А он — по-настоящему!.. Ха-ха-ха!..

Неожиданно заваливает Ольгу на диван,
пытается что-то задрать, что-то расстегнуть…

Ну зачем… зачем по-настоящему… Давайте притворяться… как будто мы шутим…

Ольга лежит словно каменное изваяние, неподвижно глядя в потолок,
и Белугин от этого почти совершенно теряет кураж.

О л ь г а *(оживает).* Погодите. Ну погодите же немного!

Б е л у г и н *(задыхаясь).* Что!

О л ь г а. Дайте, я ещё выпью.

Трясущейся рукой Белугин наполняет фужеры.
Ольга отходит, достаёт из сумки пузырёк с таблетками,
высыпает горсть на ладонь.

О л ь г а. Умыли бы вы свою физиономию, что ли, Борис Андреевич?..

Б е л у г и н. Да-да, я сейчас.

Белугин выходит.
Ольга высыпает таблетки в его фужер,
размешивает лезвием столового ножа.
Возвращается Белугин. Они чокаются, пьют.

О л ь г а. Вы сильный мужчина.

Б е л у г и н *(порывисто опускается на колени).* Оля, дорога, будьте моей, я вас озолочу!..

О л ь г а. А вот это уже слабость. На такое клюнет разве что сентиментальная дурочка. А вы, кажется, уже имели возможность

заметить, что я вполне прагматичная женщина. Даже, **если хотите**, расчётливая.

Б е л у г и н. Хочу! Хочу!..

О л ь г а. Но разве вы ещё не поняли, что таких как я — нужно брать силой? Грубой… настойчивой… мужской силой…

Надрывно звучит музыка танго.
Белугин берёт Ольгу за руку, рывком поднимает. Они танцуют.
Движения Белугина становятся всё менее уверенными.
На одном из па он наклоняет Ольгу всё ниже и ниже,
пока они вместе не валятся на диван.
Музыка замолкает. Слышен храп Белугина.
Ольга выбирается из-под его туловища.

О л ь г а. О господи! Наконец-то…

Ольга садится в кресло, обмахивается платком.
Берёт трубку, набирает номер, слышит длинные гудки, вешает трубку.
Смотрит на Белугина, встаёт, снимает с кресла плед, заворачивается,
устраивается в кресле поудобнее, закрывает глаза.
Свет гаснет.

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА

Мила и Алексей лежат на тахте.
Облокотившись о подушки, пьют шампанское.
Играет приятная музыка.

М и л а. Вам понравилось?

А л е к с е й. Отменное шампанское. Наверное, стоит…

М и л а. Пятьдесят долларов за бутылку.

А л е к с е й *(смотрит бокал на свет)*. Стоимость ящика этих дурацких пузырьков могла бы спасти мою невинность.

М и л а. Поздно вспоминать молитву, когда пятки горят.

А л е к с е й. Разве есть такая пословица?

М и л а. Не знаю. Кажется, я сама её только что придумала.

А л е к с е й. Послушайте… Вы — такая умная и богатая — чего вы во мне нашли? Примерный семьянин, работяга, ни чем не выдающийся человек.

М и л а. Ну, во-первых, вы могли бы продолжить ряд эпитетов, касающихся моих качеств, ещё одним словом. Свободная.

А л е к с е й. Этого нельзя сказать обо мне.

М и л а. Мужчина не имеет права отказать женщине.

А л е к с е й. Но почему именно я? Разве вокруг вас мало красивых и богатых?

М и л а. Удивительно, что нужно объяснять такие вещи. Что если вы мне просто понравились. Ну, совпали, получили резонанс какие-то там вибрации, если вам, как инженеру, это понятнее. Красивые и богатые мужчины должны посвятить себя служению… многим. Я же хочу слопать вас одна и ни с кем не делиться. Конечно, я понимаю: вы слишком привязаны к своей жене. Настолько, что это сводит мои шансы…

А л е к с е й. К нулю.

М и л а. Не надо хамить. Я посчитала свои шансы. Пятнадцать процентов из ста я могу получить в считанные часы или дни. С оставшимися восьмьюдесятью пятью придётся основательно поработать.

А л е к с е й. Как же вы считали?

М и л а. Судите сами. Пять я уже заработала. По крайней мере, я имею основания так полагать.

А л е к с е й. Допустим.

М и л а. Оставьте этот ваш тон. Ещё пять я заработаю, окружив вас любовью пополам с холодным расчётом. Если мужчина не дурак, он легко поддаётся влиянию умной и самостоятельной женщины.

А л е к с е й. Почему?

М и л а. Потому, что умная и самостоятельная женщина — подарок судьбы. Рядом с ней мужчина не должен служить надёжной спиной. Он может расслабиться и жить в своё удовольствие. Он больше не защитник и не добытчик с каменным топором, который обязан приносить в пещеру еду. Он нормальный, современный человек — любовник, друг и союзник. Разве вы никогда не мечтали о такой женщине? Отвечайте.

А л е к с е й. Ответа не будет.

М и л а. Как хотите. Ещё пять, а, может быть, и пятьдесят или все сто… я рассчитываю получить, сделав вам предложение… определённого рода. Скорее всего, что поначалу вы откажетесь, но зерно будет брошено и прорастёт рано или поздно.

А л е к с е й. Вот это я не совсем понял.

М и л а. Хорошо, сейчас объясню. Налейте… Итак, вы уж знаете, что я беру в руки бизнес моего покойного мужа. Сохраняются все структуры и связи. Работа не прекращается ни на минуту, состояние множится. Есть только одна проблема. Вы понимаете? Я не могу работать как лошадь.

А л е к с е й. Вам нужен управляющий делами.

М и л а. В точку. Но такой, чтобы был у меня на виду и днём и ночью. Такой, которому я бы всецело доверяла и который мог бы смело распоряжаться моими деньгами.

А л е к с е й. Хорошо, я подумаю.

Выключает музыку, снимает трубку, набирает номер.

М и л а. Вы подумаете? А я уже услышала «нет». Вы уверены, что приняли честное и правильное решение. По отношению к Оле. Но что если **она** нечестна по отношению к вам? Что если ваша любовь и ваша жертва для неё — тьфу. Что если она вам всё-таки изменяет?

А л е к с е й *(хлопает трубкой по аппарату)*. Чёрт! Чёрт! Чёрт!..

Решительно встаёт, одевается.

М и л а. Куда вы сейчас?

А л е к с е й. Не знаю. Скоро утро. Пройдусь по воздуху.

М и л а. И вы будете звонить домой из каждого автомата…

А л е к с е й. Вы говорили про два обстоятельства, которые… ну, могут им помешать.

М и л а. Ах, да. Первое это то, что по причине скупости Белугина у них может возникнуть тупиковая ситуация.

А л е к с е й. А второе?

М и л а. Ладно… так и быть. Получайте второе. Ольга вас любит, господин Пчёлкин. А любящая женщина почти никогда не способна изменить.

А л е к с е й *присаживается на край кровати, берёт Милу за руку)*. Спасибо. *(Встаёт.)* Прощайте.

М и л а. А ты всё-таки помни о моём предложении дорогуша, оно остаётся в силе.

А л е к с е й. Что-то вроде управляющего?

М и л а. Можно и так. Но можно и по-другому.

А л е к с е й. Как же ещё?

М и л а. Что-нибудь вроде мужа…

Посылает воздушный поцелуй. Алексей улыбается, уходит.

ПЯТАЯ СЦЕНА

Квартира Белугина. За окном светает.

Ольга спит в кресле, хозяин похрапывает на диване.

Сигналит будильник.

Ольга просыпается, вертит головой, встаёт.

Подходит к Белугину, трясёт его за плечо.

О л ь г а. Эй! Послушайте! У вас будильник! Вы, кажется, в Лондон собирались… Эй!..

Белугин мычит и отмахивается.

Ольга набирает в фужер воды из бутылки, выливает ему на голову.

Б е л у г и н *(садится, трогает лицо, смотрит на пальцы).* Что это… кровь?..

О л ь г а *(включает свет).* Это вода!

Б е л у г и н. Приснится же такое…

О л ь г а. Вам надо собираться, я пойду…

Выжидательно смотрит на Белугина.

Б е л у г и н *(трогает нос).* Нос распух…

О л ь г а. Могу припудрить, будет совсем незаметно.

Б е л у г и н *(ощупывает голову).* А это… голова… почему так кружится?

О л ь г а. Нет, по голове вас, кажется, никто не бил. Наверное, просто выпили лишнего.

Б е л у г и н *(наливает себе коньяку, с озабоченным видом выпивает).* Так-так-так… *(Смотрит на часы.)* Туда-сюда… Действительно пора.

О л ь г а *(решительно встаёт перед дверью).* Борис Андреевич, извините, но я не уйду. Пока вы не дадите деньги. Вы обещали.

Б е л у г и н *(обретая хорошее самочувствие и уверенность).* Я, может быть, что-то и обещал… Но и вы, моя дорогая, давали вполне двусмысленные авансы.

О л ь г а. Какие ещё авансы! О чём вы говорите!

Б е л у г и н. Ночь в квартире одинокого мужчины… Вряд ли ваш муж удовольствуется теперь объяснениями только лишь меркантильного характера.

О л ь г а. Пчёлкин… Он же ничего не знает, он меня ищет!

Хватает трубку, набирает номер, слышит длинные гудки.
Белугин наливает себе ещё раз до полна.
Передумав, отливает в бутылку половину.
Выпивает.

О л ь г а *(бросает трубку)*. Давайте деньги, вы обещали!

Б е л у г и н. Какая вы смешная. Вы действительно думаете, что я отдам штуку баксов за ваши красивые глаза? Будьте реалисткой, Оленька, дорогая, мы ещё можем договориться…

Приближается к Ольге почти вплотную.

Ну, что же вы так смотрите… Деньги тут, совсем рядом. Будь умницей, и никто ничего не узнает…

Начинает расстёгивать на себе рубашку.

Вы такая… я буквально схожу с ума, когда вас вижу… Я дам деньги… и не надо отдавать… только бывайте, бывайте здесь у меня, раз в неделю, нет, раз в месяц… Я буду давать ещё, скоро у меня будет много, очень много денег… Никто, никто ничего не узнает…

Расстёгивает ремень.

А эту тысячу… я дам вам сейчас… она здесь, рядом… сразу после…

Ольга хватает Белугина за воротник рубахи и сдёргивает так,
что его руки оказываются скованными рукавами с застёгнутыми манжетами.
Нащупывает яблоко в вазе.

О л ь г а. Откройте рот.

Б е л у г и н. Что такое?..

О л ь г а. Вы хотели, откройте рот! Иначе губы расквашу!

Белугин в испуге разевает пасть, Ольга с размаху загоняет туда яблоко.
Потеряв равновесие, Белугин пятится.
Ольга бьёт его кулаком в нос.
Белугин падает на диван.
Высвобождает руки, отбрасывает яблоко, хватается за нос, кричит.

Б е л у г и н. Оо-ооо-ооо!..

О л ь г а *(берёт свою сумку, уходит)*. Что б ты подавился, гадина.

Хлопает дверью.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Утро. Открытый пивной павильон.
За высоким круглым столиком стоят Шилов и призрак Карла Маркса.
На голове у Маркса-«байкера» — шлем в виде фашистской каски.
Перед ними кружки с пивом, вобла на мятой газете.
Продавщица в окошке поглядывает на единственного посетителя с тревогой:
она думает, что тот разговаривает сам с собой.

К а р л М а р к с. Согласитесь, Владимир: у каждого перед глазами есть определённая цель. Такая цель, которая вам самому кажется великой, и которая в действительности такова, если её признаёт великой ваше глубокое убеждение… голос вашего сердца. У вас есть перед глазами такая цель?

Ш и л о в. Сейчас — нет. *(Пауза.)* Дайте мне аванс… То есть, заказ. Такой заказ, чтобы мир затаил дыхание. Тогда будет цель. А так… что болтать.

К а р л М а р к с. В этом вы правы. Если человек трудится только для себя, он может стать превосходным мастером своего дела. Но он никогда не сможет стать великим человеком.

Ш и л о в. В теории…

К а р л М а р к с. Теория овладевает материальной силой, как только она овладевает массами.

Ш и л о в. При чём тут массы. Вы намекаете на то, что в рекламном бизнесе крутятся большие деньги? Дай вам волю, и вы бы и Рафаэля приспособили рисовать этикетки. Мелко, основоположник. В одном вы правы: мне необходима регулярная практика. Без настоящей работы я утоплю свой талант в кружке.

Появляется молоденький милиционер. Шилов его не видит.
Милиционер неспешно прогуливается, останавливается возле продавщицы.

К а р л М а р к с. Каждый, в ком сидит талант Рафаэля, должен беспрепятственно развиваться. Однако мне кажется, вы недооцениваете культурные потребности современного рабочего класса.

Ш и л о в. Знаем мы их культурные потребности. Теперь только такие потребности удовлетворяют. Вы этого добивались?

П р о д а в щ и ц а *(обращаясь к милиционеру, кивает на Шилова)*. Сам с собой разговаривает…

К а р л М а р к с. Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства.

Ш и л о в. Прекратите говорить непонятно! Кому сейчас нужен мой талант? Капитал и невежество идут рука об руку!

К а р л М а р к с. Поосторожней на поворотах, приятель!

Ш и л о в. Слушай, ты, призрак коммунизма! Ты уже такой мёртвый, что не в состоянии родить ни одной новой мысли!

Милиционер неспешно подходит к Шилову сзади.

К а р л М а р к с. Глохни, чувак! От меня остались хотя бы цитаты. А от тебя останется задолженность по квартплате и грязная посуда в раковине.

Ш и л о в. Что ты сказал?.. *(Замахивается пустой кружкой.)*

Милиционер кладёт на плечо Шилова дубинку.

М и л и ц и о н е р. Гражданин Шилов!

Шилов оборачивается.

Ш и л о в. Здорово, Санёк!

Объясняет Карл Марксу:

Из моего двора парнишка.

Обращается к милиционеру:

Ты откуда?

С а н ё к. Я с дежурства.

Ш и л о в. А я — просто так.

С а н ё к. Одному не скучно стоять?

Ш и л о в. Человеку с фантазией никогда не бывает скучно.

К а р л М а р к с. Золотые слова.

С а н ё к. Фантазия у тебя богатая. С такой фантазией — не боишься в дурки прописаться?

К а р л М а р к с. Воображение — великий дар, много содействовавший развитию человечества.

Из правой кулисы появляется Алексей Пчёлкин.

Он еле-еле перебирает ноги, голова опущена.

С а н ё к. Смотри…

Из левой кулисы появляется Ольга Пчёлкина.

Она еле-еле перебирает ноги, голова опущена.

Ш и л о в. Вот это номер.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Ольга и Алексей, не замечая ничего вокруг,
очень медленно, словно зомби, шажок за шажком,
движутся навстречу по самому краю сцены — над зрителями.
Карл Маркс, Шилов и Санёк за ними молча наблюдают.
Едва не столкнувшись лбами, супруги поднимают глаза друг на друга.

О л ь г а. Алёша…

А л е к с е й. Оля? *(Делает движение, чтобы обнять её, но тут же отступает на шаг.)* Где ты была?!

О л ь г а. Я?.. *(Опускает голову.)* Я была у Белугина. Его избили… Я должна была отвезти его домой.

А л е к с е й *(злорадно).* Сильно избили?

О л ь г а. Да… То есть, нет… Но было очень много крови… Я всё время звонила, но тебя не было… Откуда ты?

А л е к с е й. Я?.. Я был… Впрочем, сейчас это не важно. Оля, я не понимаю, ты что, была с Белугиным всю ночь? Наедине? В его квартире?..

О л ь г а. Да, я была. Он обещал деньги. Он сказал, что деньги приготовлены и лежат у него в квартире.

А л е к с е й. Значит, он так сказал… И ты поехала к нему и осталась у него на ночь. Сколько же мы теперь ему должны?

О л ь г а. Нисколько… Потому, что…

А л е к с е й. Потому что ты отработала эти деньги?

Ольга бьёт Алексея по физиономии, отворачивается.

О л ь г а. Потому что он ничего не дал.

А л е к с е й. А это ещё ничего не значит! Да-да! Ровным счётом ничего не значит! Всем известно, что из него копейки не вытянуть. Понятное дело! Такой мерзавец мог наобещать с три короба, а после не заплатить.

О л ь г а. После чего?

А л е к с е й. После… После чего угодно! Вы занимались любовью!..

О л ь г а. А так же верой и надеждой. Говори по-русски!

А л е к с е й. По-русски? Как же это по-русски… *(Сообразив, пугается.)* О господи!..

Ольга бьёт его во второй раз.

А л е к с е й. Ага! Тебе нечего ответить!

О л ь г а. Где ты был? Я звонила всю ночь!

А л е к с е й. Я?.. Почему ты спрашиваешь?.. Ну, допустим, что умер человек. Да-да, умер. Между прочим, не совсем посторонний тебе человек, муж твоей подруги… Люды… Милы…

О л ь г а. Истоминой?!

А л е к с е й. Да-да! Его убили! Застрелили — бах! бах! Тогда… когда они ушли от нас! От нас, понимаешь?..

О л ь г а. О господи…

А л е к с е й. Я был там, у неё, вместо тебя. Траур, слёзы, валерьянка… Я утешал.

О л ь г а. Слёзы? Валерьянка? Это на неё не похоже. Как же ты её утешал?

А л е к с е й. Нет, не то, я не правильно сказал… Я был у неё, потому что она тебе позвонила, но тебя уже не было… Ты была…

О л ь г а. Ты её утешал, а она пожалела дать тебе денег в долг?

А л е к с е й. Она предлагала… но я не взял.

О л ь г а. Почему же ты не взял, если она предлагала?

Запутавшийся Алексей разводит руками.

О л ь г а. Гусары денег не берут?..

А л е к с е й *(не убедительно).* Оля, как тебе не стыдно.

О л ь г а. Мне стыдно! Стыдно за свою бывшую подругу. Стыдно за своего бывшего мужа. Стыдно за себя… *(Плачет.)*

А л е к с е й. Ага! Тебе стыдно за себя! Всё-таки призналась!

Ольга разворачивается, чтобы уйти.

Алексей хватает её за плечи, разворачивает обратно.

Ольга пытается ударить его третий раз, но промахивается.

Алексей хватает её за рук, начинается борьба.

Подбегают Санёк и Шилов, разнимают супругов.

С а н ё к. С ума сошли? Сейчас обоих — в отделение!

Ш и л о в. Миритесь или хуже будет.

А л е к с е й. Я согласен. Только пусть она руки не распускает.

О л ь г а. Ещё поговорим.

А л е к с е й. Оля, действительно не время.

О л ь г а. Временное перемирие.

С а н ё к. Ну а вообще?.. Почему такие кислые?

А л е к с е й. Квартиру купили, а заплатить не можем.

К а р л М а р к с. При коммунизме не будет собственников. Каждый сможет занять любую квартиру и выбрать себе любую женщину. Всё будет общее.

Ш и л о в. Двести лет прожил, а ума не набрался.

А л е к с е й. Не понял.

Ш и л о в. Продайте своего Челлини. Сидите на нём… как на бочке с порохом.

О л ь г а. Я тоже не понимаю.

А л е к с е й. Шилов, что продать?..

Ш и л о в. Да ладно, не прикидывайтесь. Что вы всё время прибедняетесь? Ольга, ты при мне эту шкатулку показывала своему дяде, ювелиру. Я же в комнате был, рядом!

О л ь г а. Ах, это… Так я ему уже всё продала. Брошки, колечки…

Ш и л о в. Ему?! За сколько?..

О л ь г а. Всё сразу — за тысячу.

С а н ё к *(уважительно)*. Долларов?

О л ь г а. Да. Но нам нужно ещё тысячу. Мы всего четыре должны. А теперь валюты ни под какие проценты не взять. Нас из квартиры выселяют…

А л е к с е й. Погоди, не плач, ещё не выселяют.

Ш и л о в. Я не понял: ты ему что именно продала — колечки или шкатулку?

О л ь г а. Теперь я вспоминаю. Шкатулку я не продавала. Он сказал: «сложите обратно в коробочку», я и сложила.

Ш и л о в. В коробочку.

О л ь г а. А ты думаешь, шкатулка тоже денег стоит?

Ш и л о в. Не могу понять: вы это всё серьёзно говорите?..

К а р л М а р к с. Бенвенуто Челлини, тысяча пятисотый — тысяча пятьсот семьдесят первый. Итальянский скульптор и ювелир эпохи Возраждения, представитель буржуазного маньеризма.

О л ь г а. А почему ты спрашиваешь?

Ш и л о в. Интересный у вас дядя.

А л е к с е й. Мой дядя на земле трудится.

Ш и л о в. Если вы не шутите, то ваш… родственник проворачивает сейчас самую наигнуснейшую аферу. Эта шкатулка, если очень навскидку, тянет тысяч на сто пятьдесят.

С а н ё к *(уважительно)*. Долларов?

Ш и л о в. Фунтов стерлингов.

О л ь г а *(запинаясь)*. Сколько же это… если долларов…

А л е к с е й *(запинаясь)*. Порядка двухсот… тысяч.

О л ь г а. А как же… зачем же он…

Ш и л о в. Куплю-продажу оформляли? Расписывалась ты где-нибудь?

О л ь г а *(мотает головой)*. Н-нет…

Ш и л о в. Это уже лучше. Если шкатулка ещё при нём, возьмём легко. Санёк! У тебя в кобуре — что?

С а н ё к *(похлопывает по кобуре)*. Табельный, Макарова.

Ш и л о в. Бежим бегом к дяде этих сумасшедших. Чёрт побери этого дядю!

О л ь г а. Трамвай идёт!..

Алексей, Ольга, Шилов и Санёк убегают.

Карл Маркс продолжает спокойно пить пиво.

Свет гаснет. Грохот и звонки удаляющегося трамвая.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Антикварная лавка Цукермана.

Хозяин смахивает пыль с расставленных на полках товаров.

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, ты пришёл сегодня раньше обычного.

Ц у к е р м а н. Розочка, ты ведь знаешь, у меня есть дело с этим государственным человеком. Скоро он придёт, и я отдам ему эту злосчастную вещь. Потом он сядет на самолёт и улетит в Лондон.

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, я не позволю тебе обворовывать этих несчастных идиотов. Сейчас придёт милиционер, и он тебя арестует.

Ц у к е р м а н *(роняет предмет, ловит на лету)*. Ах!.. Разве можно такое говорить!

Р о з а М о и с е е в н а. А разве можно грабить заплаканную женщину, которая пришла к тебе за помощью? Ты слопал её как серый волк! Додик, ты отправишься в ад, но я с тобой туда не поеду!

Ц у к е р м а н *(испугавшись)*. Хорошо, хорошо. Я не волк, я не буду её лопать. Я поступлю с ней как честный человек. Она получит свою долю, и это будут очень, очень хорошие деньги. Они как будто совершенно неожиданно свалятся на неё с неба. В конце концов, всю работу делаю я и этот государственный человек. Но её доля будет очень хорошая доля.

Р о з а М о и с е е в н а. Я хочу, чтобы ты вернул ей эту вещь. Запомни: у тебя от неё будут только одни неприятности.

Ц у к е р м а н. Но почему, почему!..

Р о з а М о и с е е в н а. Решай, у тебя есть ещё минута.

Цукерман нервно прохаживается, трёт виски, что-то бормочет.
Начинают бить часы.

Ц у к е р м а н. Хорошо. Я верну. Пропади всё пропадом…

За последним ударом часов следует звон дверного колокольчика.

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА

В лавку заходит милиционер Санёк.
Подходит к прилавку, отдаёт честь.

С а н ё к. Гражданин Цукерман Давид Семёнович?

Ц у к е р м а н. Так точно…

Милиционер долго и пристально смотрит ему в глаза.

Р о з а М о и с е е в н а. Предупреждала…

Треск мотоцикла, грохот музыки. Пританцовывая, в лавку заходит Карл Маркс.
У него в руке магнитофон. Убирает громкость, делает приветственный жест — «козу» — в сторону подсобки.

Р о з а М о и с е е в н а. Не хватало здесь ещё этого хулигана от исторического материализма! Убирайся!..

Делает энергичный жест.
Цукерман недоуменно оборачивается:
он слышит жену, но не понимает, с кем она разговаривает.
Карл Маркс выключает звук, ставит магнитофон,
начинает неспешно разглядывать и ощупывать товары на полках.

С а н ё к. Гражданка Пчёлкина Ольга Петровна — кем вам приходится?

Ц у к е р м а н. Кажется… родственница. Когда-то мы были близки с её тётушкой, однако не настолько, чтобы…

Р о з а М о и с е е в н а. Додик, не болтай лишнего.

С а н ё к. Когда вы видели её в последний раз?

Ц у к е р м а н. Даже не помню…

Р о з а М о и с е е в н а. Говори!

Ц у к е р м а н. Позавчера.

С а н ё к. С какой целью она к вам приходила?

Направляет свет лампы на лицо хозяина.

Ц у к е р м а н. Кажется… показать кое-что.

С а н ё к *(приближает лицо, говорит страшным голосом)*. Что именно?

Ц у к е р м а н *(выдохнув и обмякнув)*. Да-да. Я всё понял. Сию минуту. *(Сползает под прилавок.)*

Сняв фуражку, Санёк перегибается через прилавок, чтобы не терять хозяина из виду.

Цукерман ставит шкатулку на прилавок. У него вид провинившегося школьника.

Санёк надевает фуражку, выравнивает кокарду по ребру ладони.

Прокашливается, берёт шкатулку, прячет в карман.

С а н ё к. Ну, что же, гражданин Цукерман… Учитывая ваше добровольное признание и помощь следствию… обойдёмся на первый раз без протокола. Честь имею.

Козырнув, Санёк уходит.

Карл Маркс остаётся. Он в восхищении разглядывает свой собственный бронзовый бюст.

Роза делает ему энергичный жест — чтобы убирался.

Ц у к е р м а н *(раздвинув занавески, смотрит на улицу)*. Роза, смотри, — там, на улице!.. Этот милиционер подошёл к Ольге и к её мужу. Они смотрят на меня, они смеются, они машут мне руками!.. *(Машинально поднимает руку и опускает.)* Но ведь я уже согласился вернуть ей шкатулку, правда?.. Я уже сказал, что верну, — ещё до того, как пришёл этот молодой человек, этот милиционер…

Р о з а М о и с е е в н а. Ты сказал, Додик. И тебе это зачтётся.

Ц у к е р м а н *(резко поворачивается)*. Но что я теперь скажу господину Белугину?! Сейчас, сейчас он придёт сюда, этот государственный человек, и мне будет нечего ему сказать!..

Слышен звук подъехавшего автомобиля.

Р о з а М о и с е е в н а *(небрежно)*. Дай ему ту, другую.

ПЯТАЯ СЦЕНА

Звенит дверной колокольчик, влетает Белугин.

Из носа у него торчит вата, лицо потное, говорит в нос.

В левой руке держит кейс, правой на ходу разворачивает бумагу.

Б е л у г и н *(шлёпает бумагу на прилавок).* Вот, последние формальности. Давайте, давайте, меня ждёт машина.

Ц у к е р м а н. Куда же я её дел…

Б е л у г и н *(хватает Цукермана через прилавок за грудки, дышит ему в лицо).* Вы сошли с ума?

Ц у к е р м а н *(вырывается).* Ладно… погодите… сейчас. Разве можно пить коньяк с утра, перед таким делом?.. Погодите. Такую вещь нельзя бросать где попало. Я спрятал так, чтобы ни одна сволочь… Присядьте, присядьте, вы что-то неважно выглядите. Наверное, скушали что-нибудь за завтраком?..

Б е л у г и н. Да… я присяду… Но только на минуту!

Садится под стеллажами, кладёт кейс на колени, утирает лицо платком.

У него над головой — бронзовый бюст Карла Маркса.

Сам основоположник тоже стоит рядом.

Ц у к е р м а н *(выносит и подаёт шкатулку).* Вот, держите.

Белугин, бегло осмотрев шкатулку, запирает её в кейс.

Б е л у г и н. Знаете что, Давид Семёнович… Я много думал и пришёл к выводу… Что нам необходимо пересмотреть условия нашего контракта. Согласитесь, мой риск и моя работа неизмеримо больше. Вы, всего-навсего, обворовали свою родственницу, а это — не работа. Да-да, мне всё известно. Вы совершили уголовно наказуемое деяние, и скажите спасибо, что я не требую от вас денег за моё молчание.

Ц у к е р м а н. Что вы говорите!

Б е л у г и н. К тому же, по тем документам, которые вы же сами помогли мне состряпать, шкатулка не представляет никакой художественной ценности.

Ц у к е р м а н. Как это некстати!

Б е л у г и н. Хорошо, так и быть. Если дело выгорит, может рассчитывать на полтора-два процента. Это бизнес, дорогой мой Давид Семёнович, а в бизнесе выживает сильный.

Р о з а М о и с е е в н а. Слушай, основоположник, хотя ты и дурак, но ты всё-таки еврей. Тресни чем-нибудь по голове этого государственного бандита.

Карл Маркс наклоняет бронзовый бюст, и тот опрокидывается,
звучно ударяя по темечку начинавшего подниматься Белугина.
Белугин садится и обвисает, словно тряпочная кукла.
Цукерман хватает бюст, ставит на место, шлёпает Белугина по щекам.

Ц у к е р м а н. Эй, слушайте… как же это… Роза! я ничего не понимаю! Как он упал?.. Эй! Очнитесь!..

Белугин открывает глаза, смотрит по сторонам.

Б е л у г и н. Что это… Мне стало плохо?..

Прижимает к груди дипломат.
С улицы сигналит автомобиль.

Дайте руку… Помогите мне дойти до машины.

Цукерман выводит Белугина из лавки.
Карл Маркс, врубив свою оглушительную музыку,
делает в сторону Розы Моисеевны прощальную рокерскую «козу» и тоже выходит.
Роза, в подражание, делает ему вслед такой же жест.
Слышно как трогается автомобиль, с треском уезжает мотоцикл.
Возвращается Цукерман.

Р о з а М о и с е е в н а. Он уехал?

Ц у к е р м а н. Он вернётся.

Р о з а М о и с е е в н а. **Там** у него будут большие неприятности.

Ц у к е р м а н. Но потом, когда он приедет, **неприятности** будут у меня, здесь.

Р о з а М о и с е е в н а. Он ничего тебе не сделает.

Ц у к е р м а н. Господи, от кого я это слышу!.. Кто это ещё вчера запугал меня чуть-чуть не до разрыва сердца?

Р о з а М о и с е е в н а. Всё-таки этот мерзавец на государственной службе. Его самого так тряхнут и так запугают, что он всю жизнь будет делать вид, что незнаком с тобой.

Ц у к е р м а н. Правда?.. Розочка, ты меня успокоила. Но эти молодые люди, которых я хотел обмануть, они ведь ненавидят меня!

Р о з а М о и с е е в н а. Они всё простили.

Пауза.

Ц у к е р м а н. Знаешь, Розочка, я так устал сегодня… Можно я закрою лавку?

Р о з а М о и с е е в н а. Правильно, Додик. Тебе необходимо успокоить нервы и подкрепиться. Поезжай сначала на кладбище, посиди на лавочке возле могилы и послушай голоса птиц. А потом пообедай с вином в хорошем ресторане.

Цукерман достаёт связку ключей, затворяет дверь в подсобку.
Теперь из зала виден портрет его супруги в траурной рамке.

Ц у к е р м а н *(обращаясь к портрету).* Розочка, я именно так и сделаю.

Целует портрет, медленно выходит, гасит за собой свет.

ШЕСТАЯ СЦЕНА (ЭПИЛОГ)

Один за другим выходят на сцену, произносят свои монологи
и остаются в затемнении действующие лица.
Первые четверо выходят из правой кулисы, остальные — из левой.

А л е к с е й. Не волнуйтесь, это уже эпилог. У нас всё сложилось хорошо. Как говорят в сказках, мы жили долго и счастливо. А шкатулка… она оказалась не настоящей. Поразительно ловко сработанная когда-то в Германии копия. В своё время там были великие мастера морочить головы…

О л ь г а. Правда, у нас всё замечательно. Наш кредитор… *(Смотрит на Алексея.)*

А л е к с е й. «Монолит-Гарант».

О л ь г а. Он лопнул. Тогда же, на третий день, когда наступил последний срок.

А л е к с е й. Как мыльный пузырь.

О л ь г а. Сбежал с деньгами. Он теперь в розыске, а нам не пришлось возвращать последнюю часть кредита. Зато, при участии Давида Семёновича, моего дяди, мы купили новую мебель.

С а н ё к. Через год я получил повышение.

Ш и л о в *(выглядит респектабельно).* Я вовремя завязал. Теперь многие из вас меня знают. У меня есть имя и персональные выставки. Был момент, когда я отточил своё мастерство до полного совершенства. Но теперь, когда всё есть… потерялось что-то главное… Со временем думаю перебраться в Штаты. Американцы глупы, им легче задурить головы.

Б е л у г и н *(у него мятый портфель и мятое лицо).* С этой шкатулкой у меня были крупные неприятности. Меня спасли связи и

депутатская неприкосновенность. Но я выкрутился, а через некоторое время даже восстановился на государственной службе. Я отвечаю за состояние ваших дворов и подъездов. Полагаю, вы всем довольны.

Мила Истомина *(белое лицо, в трауре).* Я хотела мужа бедного, но честного. По любви. Но опять вышла замуж за богатого и нечестного. По расчёту. И его тоже убили. И так четыре раза. Или уже пять… Я пристрастилась к кокаину.

Под руку выходят Цукерман и Роза Моисеевна.

Цукерман. Когда прошло ещё лет пятнадцать или двадцать, я наконец воссоединился со своей любимой женой Розочкой. Мы очень, очень хорошо устроились. Так хорошо, что лучше и не бывает. Поверьте, это такое место…

Роза Моисеевна. Додик, не болтай лишнего.

Цукерман. Хорошо.

Освещаются все действующие лица.
Запоздало раздаётся треск мотоцикла и музыка «Роммштайн».
Треск мотоцикла стихает. Карл Маркс, двигаясь под музыку,
встаёт рядом с Розой Моисеевной.

Конец